

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**МОТИВ РОДСТВА В РОМАНЕ
М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031301
Герасимовой Екатерины Геннадьевны

Научный руководитель
д.ф.н., доцент Ширина Е.А.

БЕЛГОРОД 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. МОТИВ РОДСТВА В БЫТОПИСАНИИ И СЕМЕЙНОЙ ЛИНИИ СЮЖЕТА	8
1.1. Казачий патриархальный уклад в мирных главах романа-эпопеи.....	8
1.2. Сюжет разрушения семьи Мелеховых и судьба Мелехова-старшего.....	15
ГЛАВА II. ДОМИНАНТА РОДСТВЕННОСТИ В ОБРАЗАХ ГЕРОЕВ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ТИХИЙ ДОН»	20
2.1. Одористические образы как знак чувства родины персонажей романа-эпопеи.....	20
2.2. Хранительницы рода в произведении.....	26
2.3. Дети и детство в шолоховском мире.....	48
ГЛАВА III. СЕМЬЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВЕКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ	57
3.1. «Мысль семейная» в произведениях писателей XIX века.....	58
3.2. Тема дома и семьи системе уроков по изучению романа М.А. Шолохова.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	72
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	75

ВВЕДЕНИЕ

М.А. Шолохов – художник эпического склада, смело вошедший в XX век с общезначимыми идеями, мотивами и образами. Роман-эпопея «Тихий Дон», обращенная к эпохе Великой русской революции, воссоздаёт мир в бытийной сложности и многоцветии казачьего быта, и как всякое классическое произведение, сохраняет своё значение в искусстве слова и духовной жизни народа благодаря силе художественных образов и системе вечных человеческих ценностей.

Сегодня в содержании романа важно увидеть не столько конкретно-историческое, сколько вневременное, вечное. Тема дома, мотивы родства, идея хрупкости семьи и её непреходящей ценности относятся к числу таких общезначимых и актуальных в условиях разрушения традиционных ценностей аспектов произведения. М.А. Шолохов был свидетелем гражданской войны на Дону, он видел, как непоправимо рвутся нити родства в идеологических схватках, как рушатся и кровно-родственные отношения, и сословное казачье единство, и ценность землячества.

Обращаясь к мотивному анализу романа-эпопеи, мы опираемся на трактовку термина «мотив» В.Е. Хализева. Мотивом в литературоведении, по В.Е. Хализеву, называется «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен. <...> Мотив так или иначе локализован в произведении, но при этом присутствует в формах самых разных. Он может являть собой отдельное слово или словосочетание, повторяемое и варьируемое, или представлять как нечто обозначаемое посредством различных лексических единиц, или выступать в виде заглавия либо эпиграфа, или оставаться лишь угадываемым, ушедшим в подтекст. Прибегнув к иносказанию, можно утверждать, что сферу мотивов составляют звенья произведения, отмеченные внутренним, невидимым курсивом» [Хализев 1999: 266]. Очевидно, что не столько с

сюжетом, сколько с темой и идеей теоретик связывает мотив, однако иносказательные смыслы слов «курсив», «звено», вероятнее всего, отсылают филолога к сюжету, фабуле, конфликту. Иными словами, мотив, как иной другой элемент художественной системы произведения, связан со всеми сторонами художественного целого. Такой подход к категории мотива, который объединяет семантику и фабулу, текст и контекст, событие и деталь, лежит в основе нашего исследования.

Мотивный анализ шолоховской эпопеи не является традиционным при том, что «Тихому Дону» посвящено множество критических и научных работ. Ряд исследователей в XX веке рассматривали произведение сквозь призму дома и семьи. Однако основное внимание ученых было обращено к проблемам социально-исторического плана. Исследования Л.Г. Якименко, В.М. Литвинова, А.И. Хватова, И.Г. Лежнева, В.В. Петелина, С.Н. Семанова, В.В. Васильева, В.В. Гуры, Ф.Г. Бирюкова, Н.М. Федя, и многих других ученых и критиков вносили свой вклад в освоение творческого наследия М.А. Шолохова.

Литературовед Л.Г. Якименко в книге «Творчество М.А. Шолохова» выразил точку зрения, согласно которой традиционное, патриархальное устройство семьи, описанное в эпопее, требует обновления. В работе ученый также уделил большое внимание материнскому началу в женских образах произведения, не считая, однако, его приоритетным в характерах героинь.

В.В. Петелин книгу «Михаил Шолохов. Очерк жизни и творчества» посвятил проблематике, нравственному и художественному значению «Тихого Дона», затрагивая «мысль семейную» лишь через основательный анализ образа главного героя – Григория Мелехова.

Еще один авторитетный исследователь творчества писателя, Ф.Г. Бирюков, в книге «Художественные открытия Михаила Шолохова» касается темы семьи в «Тихом Доне», уделяя особое внимание нравственным основам жизни казаков и опираясь на представления этого народа о браке и семье.

Не иссякает интерес к произведению и в настоящее время. В статьях авторитетных современных исследователей творчества писателя, авторы которых – В.А. Чалмаев, И.И. Цыценко, Л.Е. Корсакова, В.Г. Степанов, рассматривают трагедию гражданской войны сквозь многогранную призму семейного начала. И это обстоятельство является принципиально иным углом зрения в освещении народной истории. В наши дни трактовка романа далеко не так однозначна, как раньше, когда присутствовало прочтение текста под влиянием господствующей идеологии. Многие авторитетные литературоведы полагают, что сюжетно-композиционную основу «Тихого Дона» составляет не историческая хроника, а драматические и трагические судьбы нескольких семей.

Обстоятельства жизни казачества изображены Шолоховым так основательно, что позволяют воссоздать общее строение семьи начала XX века. Основное внимание, без сомнения, писатель уделяет семейству Мелеховых. Интересны, на наш взгляд, судьбы как старшего, так и младшего поколения Мелеховых: Петра, Григория, Дуняшки, а также яркие образы Натальи и Аксиньи. Насколько сильны в каждом из персонажей родственные чувства, как и почему разрываются семейные нити и гибнет к финалу вся мелеховская семья, – всё это вопросы, требующие самого глубокого анализа.

Актуальность избранной темы дипломной работы определяется реалиями времени, тем, что и в современных условиях тема родства является животрепещущей и злободневной. Разрушение традиционной культуры в XX и XXI столетиях сопровождается разрушением родовых устоев общества. Потеря родовых устоев означает, что такие ценности, как семья, брак и рождение детей становятся в обществе второстепенными. Шолохов увидел и осмыслил эту проблему более 80 лет назад. В романе-эпопее «Тихий Дон», где передано национальное мироощущение, где человек является творцом и одновременно жертвой истории, рушится семья как основа мира, разрываются естественные кровные связи.

Цель дипломной работы состоит в том, чтобы рассмотреть художественное воплощение мотива родства в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон»

Объект исследования – роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Предмет исследования – способы раскрытия мотива родства в романе-эпопее «Тихий Дон».

Для разрешения поставленной цели предполагается реализация ряда **задач**:

- проанализировать значение фактора родства в казачьем быту, морали, духовной жизни в изображении М.А. Шолохова;
- изучить проявление чувства родины и кровной связи человека с природой в одористических образах произведения;
- рассмотреть реализацию мотива родства в истории гибели семьи Мелеховых через анализ образа Пантелея Прокофьевича;
- выявить подход автора к созданию образа матери, анализируя главные женские образы романа-эпопеи;
- изучить характер отношения героев романа-эпопеи к детям и авторское видение детей и детства;
- раскрыть методические аспекты изучения «мысли семейной» в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» на уроках в школе.

Научную базу проведенного исследования составили работы таких авторитетных литературоведов, как В.Е. Хализев, Б.М. Гаспаров, и шолоховедов: А.И. Хватов, Н.М. Муравьева, Н.М. Федь, С.Г. Семёнова, В.А. Чалмаев, С.Н. Семанов, Л. Киселева, Е.А. Костин, В.В. Кожин, Н.А. Дворяшина, Е.А. Ширина и других современных учёных.

Методы исследования: мотивный анализ художественного произведения в рамках герменевтической методологии, сравнительно-типологический и культурно-исторический.

Теоретическая значимость дипломной работы: полученные результаты расширяют представления о жизни казачества в этнокультурном и философском контекстах.

Практическая значимость заключается в том, что материал и результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания истории русской литературы XX века, русской словесности, внеклассного чтения и факультативных занятиях на уровне среднего общего образования.

Структура работы обусловлена задачами, которые мы ставим перед собой. Дипломная работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы.

Основные положения дипломной работы отражены в докладах на конференциях, а также в авторской публикации по теме исследования.

ГЛАВА I. МОТИВ РОДСТВА В БЫТОПИСАНИИ И СЕМЕЙНОЙ ЛИНИИ СЮЖЕТА

В данной главе мы рассмотрим основные черты бытового уклада казаков, значение семьи в казачьем мире, обращаясь к различным средствам и приёмам бытописания.

Исследователь С.Н. Семанов обращает внимание на то, что для героев «Тихого Дона» семейное начало буквально пронизывает всю человеческую жизнь. Каждая отдельная личность воспринималась тут не только в своей самоценности, но непременно как часть общего – семьи, рода. Отношения между родственниками – ближайшими и дальними – важнейшая часть народного быта. Эти отношения четко определялись вековыми обычаями, нарушения их считались существенным грехом. Родственное становилось выше товарищества, влюбленности, деловых взаимоотношений, землячества, соседства и т.д. Естественно, что даже самое отдаленное родство строго учитывалось и предполагало соответствующее внимание и обрядность [см: Семанов 1987: 25].

1.1. Казачий патриархальный уклад в мирных главах романа-эпопеи

Казачество – особенное сословие в России, но его ценности: добро, любовь, родной очаг, дети, земля, – имеют общечеловеческое значение. В духовном складе, в психологии героев «Тихого Дона» есть немало общерусских черт, вместе с тем они обладают стереотипом поведения, отличным от всех прочих. С точки зрения И.И. Цыценко, этот стереотип обусловлен самим их образом жизни, характером труда, казачьим семейно-патриархальным укладом [см: Цыценко 1997: 48]. Поэтому М.А. Шолохов решил всё начать с описания этого семейного уклада жизни донских казаков.

«Маленький домик» для Шолохова – последний рубеж и окоп в судьбе русского человека, оплот народа и источник его бессмертия, залог связи человека с бесконечностью. Именно в семье, по Шолохову, человек защищен

от потрясений и случайностей судьбы неким абсолютом – вечностью, именно в ней он выступает действительным, а не мнимым творцом истории.

Но не только семейный уклад определяется материальной и духовной культурой этноса. По жизни семьи, по крепости семейных уз у данного народа можно судить о продуктивности и жизнеспособности этнической традиции, ибо традиция не является чем-то застывшим, неподвижным, она пребывает в постоянном движении, развитии. Чтобы увидеть это подспудное развитие, иногда достаточно посмотреть на разные поколения внутри одной семьи, что и делает Шолохов в своем романе.

В целом можно сказать, что в «Тихом Доне» изображен тот исторический тип культуры донских казаков, который сложился на рубеже XIX-XX веков.

Исследователь А.А. Журавлева указывает на то, что не случайно в центре шолоховского повествования находится несколько семей: Мелеховых, Коршуновых, Моховых, Кошевых, Листницких. Закономерности эпохи раскрываются не только в исторических событиях, но и в фактах частной жизни, семейных отношениях, где власть традиций особенно сильна и всякая их ломка рождает острые, драматические конфликты [см: Журавлева 1975: 115].

М.А. Шолохов изображает жизненные обстоятельства казачьей среды так подробно, что дает представление об укладе семьи начала XX века. Для автора значимо видение героев романа семейного начала, которое буквально пронизывает всю частную жизнь. Каждая отдельная личность воспринималась непременно как часть общего – семьи, рода. Эти отношения были важной частью народного быта. Родственное становилось выше товарищества, влюбленности, деловых отношений, соседства. Во времена «Тихого Дона» родственная близость почиталась весьма серьезно.

В мирное, устоявшееся время казачий коллектив крепится своей традицией, укладом особого военно-земледельческого сословия, типом общинной демократии, своим кодексом чести, бытовым православным

исповедничеством, освящающим годовой круг, центральные моменты жизни человека, каждодневное ее течение (в избу не войдут, за стол не сядут, не перекрестившись на иконы).

Центром патриархальной семьи была религия, христианская вера, семейный образ – икона в красном углу. Семья в романе выступает как хранительница веры. Кризис веры имел губительное значение для всей России, особенно для семьи: перестает действовать «двойной закон самосохранения», когда семья хранила веру, а вера защищала единство семьи. Автор пишет о том, насколько подрыв, разрушение освященных бытовых основ жизни был опасен для человека, для его былой веры и нравственности.

В казачьих семьях сложилась традиция уважения и почитания главы семьи: деда или отца (Пантелей Прокофьевич мог наказать Григория даже тогда, когда под началом последнего находились сотни и тысячи людей). Главой семьи был дед, но когда он становился слишком стар и немощен, то передавал сыну управление семьей, решение всех хозяйственных вопросов. При решении семейных дел женщины имели равные права с мужьями. Но при живом муже жена не могла быть главной в семье. Только когда муж и взрослые сыновья уходили на службу, жена брала в свои руки управление семьей.

Жена должна была с уважением относиться к мужу, а муж к жене. На людях жена обязана мужа называть по имени и отчеству, а дома могла к нему ласково обращаться по имени. В романе Пантелей Прокофьевич пишет письмо Григорию на фронт: *«Здравствуй, дорогой сын наш Григорий Пантелеевич! Шлем мы тебе нижайший поклон и от всего родительского сердца, с матерью твоей Василисой Ильининой, родительское благословение. Кланяется тебе брат Петр Пантелеевич с супругой Дарьей Матвеевной и желает тебе здоровья и благополучия; ишо кланяется тебе сестра Евдокея и все домашние»* (I, 209). Все эти строчки дышат любовью и уважением к родному человеку.

Будничная жизнь казачьей семьи была заполнена трудом. Взрослые, а это старики, мать с отцом, сыновья, дочери, невестки, вставали с первыми петухами, в 4-5 часов утра. До завтрака вся семья была на ногах, все трудились, каждый выполнял свою работу.

Завтракали в 7-8 часов утра. Перед едой глава семьи – дедушка или отец – читали вслух молитву, все молились, крестились и садились за стол. После еды каждый занимал себя своим делом или общим семейным: выезжали на волах работать в поле, пахали, волочили, сеяли пшеницу, овес и рожь, просо, косили траву, сгребали сено, сажали овощи, шили, вязали, стирали и т.д.

Обедали приблизительно в 12-13 часов. На обед собиралась вся семья. Опоздавших ждали, не начинали обедать. Перед обедом и после молились. После обеда, в летнее время, в разгар жары все отдыхали, если не работали в поле.

Детей с раннего возраста приучали к труду. Вспомним, например, как Григорий Мелехов говорил Мишатке: *«... ты – казак, вот и поедем со мной на поля: будем ячмень косить, копнить, на косилке будешь с дедом сидеть, коней будешь погонять. Сколько там кузнецов в траве! Сколько разных птиц в буераке!»* (IV, 158). Физический труд, простая, здоровая пища давали мальчишкам силу и ловкость. Их воспитывали гораздо строже, чем девочек, потому что они – будущие воины. Взрослые казаки обучали мальчишек воинским приемам. Маленького мальчугана сажали на лошадь, поддерживая его, давали ему почувствовать лошадь, постепенно приучали к верховной езде. Конь выступал у них не просто орудием труда, а верным другом в бою и товарищем (за сердце берет описание плачущего богатыря Христоня по уведенному красными Воронку). Девочек воспитывали помягче, но сильного послабления не давали. Их тоже с раннего возраста приучали к труду, к заботе о ближних. Они помогали матери по хозяйству, учились шить, латать бельё, всех без исключения девочек обучали рукоделию. Григорий так беседовал с сыном: *«Полюшка останется с бабкой домоседовать. Она на нас в обиде не будет. Ее, девичье, дело — полы подметать, воду бабке носить из Дону в*

маленькой ведрушонке, да и мало ли у них всяких бабьих делов?» (IV, 158). Взрослые любили и жалели всех детей. Старики оберегали маленьких внучат, стерегли их.

Значимая часть быта – вещный мир, одежда персонажей. Подробно и красочно в романе автор дает описание одежды своих персонажей: *«Григорий сбоку оглядел её полные, как выточенные, ноги, волнующе-тугой обтянутый живот и широкий, как у кормленной кобылицы, зад, – подумал: «Казачку из всех баб угадаешь. В одежде – привычка, чтоб все на виду было; хочешь – гляди, а хочешь – нет. А у мужичек зад с передом не разберешь, – как в мешке ходит»* (II, 244). Шолохов рассказывает о том, что казачки любили нарядно одеваться, особенно в праздники. Самые красивые наряды надевали в церковь на большие православные праздники: Рождество Христово, Пасху, Троицу, Покров и по воскресеньям. Казаки всегда ценили одежду за удобство и красоту, которой славилась казачья «справа», даже на работу в поле наряжались. *«Косцы и гребельщицы одевались будто на годовой праздник. Так повелось исстари»* (I, 47). На полевые работы женщины надевали ситцевые или сатиновые блузки, цветастые или однотонные, ладно сшитые, украшенные кружевом или выбитые, красиво отстроченные, с мелкими пуговичками. Повязывали лёгкие платочки своеобразно. Например, складывая сено или работая в поле в жаркий день, женщины платком закрывали лоб и щеки, завязывали концы косынки с боку подбородка, затем одним концом закрывали рот и нос, подтыкая этот конец под платок, а второй конец косынки подтыкали так, чтобы он не висел. Таким образом женщины закрывались от палящих солнечных лучей: *«Позади на арбе сидела Аксинья, закутавшая от солнца платком всё лицо. Из узкой, оставленной для глаз щели она смотрела на сидевшего против неё Григория»* (I, 47).

Мужчины так же, как и женщины, работали в головных уборах. Летом в поле, на покос или складывать сено на гумне, надевали широкополую соломенную шляпу. *«Степан в широкополой соломенной шляпе запрягал в косилку лошадей»* (I, 73).

Герои Шолохова – казаки-крестьяне. Мы их видим в повседневной, обыденной обстановке трудовой жизни. Также у казаков сложилась традиция ходить на игрища, куда сходилась почти весь хутор или станица. Все наряжались, как на праздник. Казаки, а особенно казачки, всегда одевались на выход нарядно, но и на работу хорошо одевались: *«Косцы и гребельщицы одевались будто на годовой праздник. Так повелось исстари»* (I, 47).

Также важным способом раскрытия темы семьи в романе-эпопее «Тихий Дон» является авторское обращение к народной устно-поэтической традиции.

Шолоховский эпос заимствует у народа не только оценку общественно-исторических событий, нравственные критерии, но и непосредственный художественный материал – песни, пословицы, поговорки. Фольклор для писателя – это прежде всего родник народного мнения о событиях давно минувших лет, инструмент для дополнительного исследования народного понимания ныне происходящего. И эта неотъемлемая часть казачьей культуры тесно переплетается с темой семейного начала. Эту связь можно проследить уже в названии романа. Не случайны и эпитафии, предваряющие эпопею в целом и отдельные ее части, взятые из старинных казачьих песен. Повествование – его стилистика, интонация, лексика – всё подчинено задаче воссоздания народной речи – образной, сочной, напоенной ароматами степных просторов.

Кроме общеизвестных смыслов фольклорного образа «Тихого Дона», в нём можно отметить и многослойную семейную символику. Посредством мотива крови, как одной из древнейших метафор воды, мотив вечного течения Дона оказывается связанным с мотивом рода. Кроме всего, народные предания относятся к рекам, озёрам и потокам, как к существам живым, способным понимать, чувствовать и выражаться человеческой речью, а те ипостаси, в которых выступает Дон как живое существо в фольклорной традиции, непосредственным образом связаны с «семейной религией».

Семейная тема очень наглядно воплощена, к примеру, в эпитафии:

*«<...> Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слёзами» (I, 12).*

Именно отсюда берут начало лейтмотивы вдовства, сиротства, материнского горя, пронизывающие все главы «Тихого Дона».

Известный собиратель и исследователь фольклора А.Н. Афанасьев приводит две основные легенды о происхождении реки Дон. Согласно первой, одушевленный Дон выступает в ипостаси мужа, убивающего свою жену и себя самого. Вторая же легенда повествует о сыне, который был послушен родительской воле и получил за это благословение течь до самого моря. Афанасьев справедливо утверждает, что определяющий мотив в обеих легендах – верность семейному очагу.

Этот же мотив слышим и в другой старинной казачьей песне, строки из которой автор вынес в качестве эпиграфа к третьей книге романа:

*«<...> Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов – донских казаков.
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком» (III, 6).*

Традиционно эпиграф трактуют в социальном аспекте, тем не менее, он представляет собой начало старинной казачьей песни семейного характера.

Обратим наше внимание на то, что во всех трех эпиграфах к эпопее в функции обращения к Дону используется лексема тематической группы родства – «батюшка»:

«Как ты батюшка, славный тихий Дон» (III, 6) или «Ой ты, наш батюшка тихий Дон!» (I, 12). Это обращение обозначает близкого родственника – отца – вместе с тем особым отношением уважения и душевного тепла, которым оно сопровождается.

Над головами любимых героев М.А. Шолохова гремят грозы, проплывают облака, завывают ветры, им светит в пути месяц – казачье

солнышко, Млечный Путь, нарядно перепоясавший небо, в дымной мгле суховея Григорий видит ослепительно сияющий черный диск солнца – всё это, по верному замечанию Ф. Бирюкова, – в духе фольклорной стилистики [см: Бирюков 1989: 112].

Среди казачьих песен, включенных автором в текст романа (исторических, служивых, обрядовых и т.д.), видное место занимают семейно-бытовые, где отразился трагизм семейной жизни у казаков. Наиболее часто повторяющиеся мотивы этих песен – разлука и утрата. Талантливо совмещая содержание «горьких, наивно-жалующихся» казачьих песен с потрясающими душу описаниями захлебнувшимися горем вдов, исходящих «горькими скупыми слезами» матери, Шолохов добился глубокой эпичности повествования.

Итак, через всё произведение проходит мысль о семье как о «бессознательном», по меткому выражению В. Васильева, «подобном природному, стремлении истории к некоей цели, не ясной для ума» [Васильев 1997: 247]. Все приемы бытописания: повествование о труде, вере, буднях и праздниках, обрядах и обычаях, о распределении обязанностей в семье, описание одежды и еды, рассказ об отношении к детям, обращение к устно-поэтической традиции формируют представление о гармонии природно-семейного бытия в мирных главах романа-эпопеи. Семью Мелеховых Шолохов представил хранилищем нравственного опыта национальной культуры. История этой семьи составляет одну из основных сюжетных линий «Тихого Дона», которая будет рассмотрена в следующем разделе.

1.2. Сюжет разрушения семьи Мелеховых и судьба Мелехова-старшего

Повествование в «Тихом Доне» строится как изображение жизни семейных гнезд. Жизнь обитателей дома Мелеховых предстает со страниц эпопеи в переплетении личных противоречий и идеологической борьбы. Вся семья Мелеховых оказалась на перекрестке больших исторических событий,

кровавых столкновений. Революция и гражданская война вносят крутые перемены в сложившийся семейно-бытовой уклад Мелеховых: рушатся привычные родственные связи, рождаются новая мораль и нравственность. Шолохову с большим мастерством удалось раскрыть внутренний мир человека из народа, воссоздать русский национальный характер эпохи революционного времени. Через двор Мелеховых проходит линия обороны, его занимают то красные, то белые, но отчий дом навсегда остается тем местом, где живут самые близкие люди, всегда готовые принять и обогреть.

Рассказом о Мелеховых начинается роман, картиной возвращения Григория к осиротевшему дому он закачивается. История семьи Мелеховых составляет одну из основных сюжетных линий «Тихого Дона». История разрушения их семьи начинается уже с первых строк – в прологе романа, где описана история любви турчанки и молодого Прокофия Мелехова, дерзнувшего сделать вызов обществу, традициям и укладу жизни казаков.

Последствия жестокого вмешательства исторических событий в естественный ход жизни показаны Шолоховым на истории постепенного разрушения семьи Мелеховых. Трагедия разрушения семейного лада, гибели рода ярче всего передается автором через образ Пантелея Прокофьевича, судьба семьи лучше всего просматривается сквозь его точку зрения, историю его жизни.

Пантелей Прокофьевич приложил много усилий, чтобы вернуть Григория к законной жене Наталье. Он и Аксинью пытался усовестить, и Григорию угрожал всякими карами. Для него мнение хутора было законом, а хутор считал, что Григорий опозорил Мелеховых, уйдя с Аксиньей от венчанной жены. Старик тяжело переживал несчастье, и, когда Григорий вернулся в родительский дом, к жене, Пантелей Прокофьевич, крестясь, всхлипывал от радости.

Старик безмерно гордится сыновьями, дослужившимися на фронте до офицерских чинов. Приехавшего на побывку Григория везет он со станции через весь хутор, минуя свой проулок. *«...Сыновей на войну провожал*

рядовыми казаками, а выслужились в офицеры. Что ж, аль мне не гордо прокатить сына по хутору? Пущай глядят и завидуют. А у меня, брат, сердце маслом обливается?» (II, 240) – простодушно признаётся Пантелей Прокофьевич.

Всю жизнь Пантелей Прокофьевич стремился к достатку. Он и сам работал, и семьи не жалел. Откуда можно и что можно – все тащил в дом. Но вот подступила, прошла по хутору гражданская война. То одна, то другая сторона одерживала верх. Менялись власти, и не раз приходилось Пантелею Прокофьевичу спешно бросать родной курень, ехать в «отступ». И, возвращаясь, видел он все большее разрушение и опустошение.

Схватится Пантелей Прокофьевич за голову и вновь начинает чинить, восстанавливать. Но многое нельзя было вернуть. И скуповатый, бережливый Пантелей Прокофьевич, ранее приучавший семью беречь каждую спичку, обходиться вечером без лампы – «керосин дорогой», теперь словно обороняясь от тяжелых потерь и разрухи, махнул на все рукой. Он пытался, хотя бы в своих глазах обесценить нажитое таким трудом. Все чаще в его речах звучит смешное и жалкое утешение: *«Он и поросенок-то был так, одно горе...»* (IV, 182), *«он и амбар-то был...»* (IV, 198), *«Все, чего лишился старик, по его словам, было никуда негодное. Такая уж у него повелась привычка утешать себя»* (IV, 192).

Но имущественные утраты были лишь половиной беды. На глазах Пантелея Прокофьевича разрушалась крепкая, дружная семья. Как ни пытался, не мог Пантелей Прокофьевич сохранить в доме нерушимым старинный порядок.

Повествуя об изменениях в семье Мелеховых, Шолохов показывает, до каких глубин проникало влияние войны. Прямо или косвенно социальной бурей захватывался весь строй народной жизни. Жестокие битвы гражданской войны отзывались нарушением согласия, распадением семьи Мелеховых.

Растерянность перед историческими событиями, крушившими весь привычный старый мир жизни, непонимание происходящего, усталость от

горя и утрат рождали трагические черты в образе некогда сильного и властного Пантелея Прокофьевича: *«Война разорила его, лишила прежнего рвения к работе, отняла у него старшего сына, внесла разлад и сумятицу в семью. Прошла она над его жизнью, как буря над деляной пшеницы, но пшеница и после бури встает и красуется под солнцем, а старик подняться уже не мог. Мысленно он махнул на всё рукой, – будь что будет!»* (IV, 107). Смерть Петра от руки коммуниста Кошевого была первым сильным ударом, который нанесла по семье Мелеховых гражданская война.

С большой силой звучит в размышлениях, переживаниях Пантелея Прокофьевича скорбное чувство приближающейся смерти. Когда рыли могилу Дарье, он выбрал на кладбище место и для себя. Но старику довелось умереть вдали от родных мест. Красная армия погнала из донской земли белогвардейцев, собрался в «отступ» (от родной земли, с которой был связан всей своей жизнью, ради которой жил и работал) и Пантелей Прокофьевич. Заболев тифом, он умер на Кубани. В чужой земле его похоронили Григорий и Прохор Зыков.

Мелехов-старший всю жизнь стремился к достатку, беспокоился о том, что бы сыты были члены его семьи, а дом выглядел как курень зажиточного, значит, «справного», радивого казака. Но с войной не только смерть отнимает сына, но и рушится дом. Предельно лаконично передает автор состояние старика, наведавшегося в Татарский, когда оттуда выбили красных. На пристани он спросил, *«целы ли быки, имущество, хлеб, всплакнул, обнимая внучат»* (IV, 37), а на родном подворье *«побледнел, упал на колени, широко перекрестился и, поклонившись на восток, долго не поднимал от горячей выжженной земли свою седую голову»* (IV, 37). То, что увидел Пантелей Прокофьевич, описано подробно, а о том, что он чувствовал, говорит лишь одна выразительная фраза *«за голову взялся»* (IV, 37). Дому и надворным постройкам был причинен значительный ущерб: *«Всё <...> являло вид заброшенности и запустения»*, повсюду война оставила *«безобразные следы разрушения»* (IV, 191).

Гибель Пантелея Прокофьевича на чужбине, вне дома – это своего рода трагедия народа, разрушение основ его бытия. Этот старый казак не ищет путеводных звёзд, маяков в историческом просторе. А в трагические дни, когда весь мир во власти катастрофы, он, как муравей, тащит в дом всё, что подвернется, что плохо лежит, что стало вдруг *«бесхозно»*. Готовясь в очередной *«отступ»* из Татарского, он намечает свой маршрут с непонятными для сына *«заездами»* и *«крюками»*. Зачем так криво, так нелепо? *«А затем, что в Латышевом у меня двоюродная сестра, у ней я и себе и коням корму добуду, а у чужих придется свое тратить...»* (IV, 226). В. Чалмаев видит в происходящем «трагический поединок «естественного» человека» [Чалмаев 1991: 213], привыкшего вить гнездо, тащить *«соломку»* на его сооружение, скреплять даже кусочки старого быта, и исторических смерчей, разваливающих, сносящих это гнездо, рассыпающих все составные его части. «Собственник, чуждая новому миру душа? Но как радуется старик Мелехов двум внукам – ведь и новый мир будет пуст без них! – как устойчиво мелеховское гнездо, пока он жив, пока этот старик трудится на земле» [Чалмаев 1991: 216].

М.А. Шолохов не стремился оградить человеческое жильё, «дом Мелеховых». Может быть, он дом потому и пал, что слишком хрупкой, природной, чистой, естественной была жизнь в нём.

М.А. Шолохов любит ладом и сокрушается разрушением дома Мелеховых, сочувствует горю Пантелея Прокофьевича, показывает безвыходность положения Григория, искавшего справедливости и большой человеческой правды, но увидевшего вокруг лишь ожесточение и красных, и белых. В финале от большой семьи остался Григорий и Мишатка, мир и дом, стоявший на самом краю хутора Татарского, разрушены.

ГЛАВА II. ДОМИНАНТА РОДСТВЕННОСТИ В ОБРАЗАХ ГЕРОЕВ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ТИХИЙ ДОН»

В данной главе мы рассмотрим воплощение мотива родства в структуре образов героев, обратившись сначала к общим вопросам микропоэтики, а именно к функции одористических деталей в воссоздании чувства родины, чувства дома и чувства родственной близости героев друг к другу, а затем рассмотрим реализацию мотива родства в образах матери и ребенка.

2.1. Одористические образы как знак чувства родины персонажей романа-эпопеи

Идея родственности в романе-эпопее «Тихий Дон» воплощается не только на уровне взаимодействия героев с семьёй, но и на уровне сословной родственности, сопричастности казаков к малой родине. Авторское чувство родины и чувство родины персонажей традиционно воплощается как в картинах природы, в поступках, высказываниях персонажей, так и в микропоэтике текста [см.: Ширина: 2005]. Одной из самых показательных единиц структуры произведения, открывающих эмоциональную сферу и миропонимание героев, является, на наш взгляд, одористический образ. Предметом нашего внимания в данном разделе работы являются обонятельные образы как знак чувства родины героев романа-эпопеи.

К анализу запахов в романе-эпопее «Тихий Дон» подталкивает не только понимание значения обоняния в психологии, культурологии, эстетике, но и очевидное доминирование «ольфакторной составляющей» [Харченко: 2007] в художественной сенсорике М.А. Шолохова. Страницы шолоховской прозы напоены сложными и многообразными ароматами. Шолохов, как и Бунин, «обоняет мир всегда и везде, он слышит и передает запахи – и дивные и отвратительные, и утонченные, и непередаваемо сложные» [Ильин 1991: 40].

В сознании героев «Тихого Дона» чётко различим запах Родины, который дорог и близок казачьему сердцу. Подобно зрению, вкусу, слуху и осязанию, обоняние во многом – плод определённой культуры. Культура «формирует» нос: одни запахи считаются «хорошими» или «плохими», другие сохраняют нейтральность [Жирицкая 1991: 169]. Обращение к запахам позволяет оценивать культуру в необычной проекции, словно бы «изнутри». Постоянство определённых запахов становится устойчивой характеристикой среды. Так в мир шолоховской прозы входят запахи земли, степи, дома, «которые становятся знаками казачьей сословной традиционности» [Муравьева 2007: 299]. Как противовес этому – «прогорклый запах войны, уничтожения» (II, 318).

«Земля-матушка», «Земля-кормилица» для славянина является священной. Образ Земли – символ жизни человеческой, символ Родины, как это было присуще русским былинам, летописям, житиям, «Слову о полку Игореве». Образ Земли выступает лейтмотивом, основной художественной картины мира писателя. «Земля составляет фундамент – в прямом и символическом смысле понятия – шолоховского универсума» [Федь 1998: 214].

Главный запах Родины для казака – это запах земли, могучий, древний и вечно юный. Истина идёт от земли. Именно через смысл этого запаха писатель выходит на органическую картину мира в сознании казака-труженика.

Запах земли постоянно чувствуют шолоховские герои: «Пахло там слежавшимся хлебом, пылью мякины, мышинным помётом и сладким плесневелым душком земляной ржавчины» (I, 255), «невыразимо сладкий запах излучал оголённый чернозём» (II, 67), «земля, напитанная всё той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладе» (III, 53), «живителен и пахуч был влажный запах оттаявшей земли» (III, 195), «одуряюще пахло нагретой землёй, травяной молодью» (IV, 204). Этот запах «пресно пахнущей земли» (III, 69) остаётся константным на протяжении всего повествования, он

неизменно сладок. «И для автора, и для его героев запах земли – высшая самоценная бытийная реальность и символ гармонии в отношениях человека и природы» [Муравьева: 2007, 300]. Во время войны Григорий Мелехов мечтает о мирной работе на земле с плугом: *«представляя себе, как будет вдыхать сладкий дух молодой травы и поднятого лемехами чернозёма»* (II, 239). Лишь после смерти всех близких Григорию людей *«пахнёт в степи горькой гарью от выжженной и потрескавшейся земли»* (IV, 260).

В словах казачьего офицера Атарщикова М.А. Шолохов глубоко передал человеческую любовь к природе родного донского края: *«всё люблю! От запаха степного полынка мне хочется плакать... И вот ещё, когда цветёт подсолнух и над Доном пахнет смочёнными дождём виноградками, – так глубоко и больно люблю...»* (II, 122). Писатель мастерски рисует словом картину степных запахов, которые ощущало казачество: *«смешанные запахи мочажинника, изопревшей куги, болотистой почвы, намокшей в росе травы нес к казачьему стану ветерок»* (II, 144). Лишившись из-за войны всего пышного разноцветья милых с детства запахов, наверняка вспоминали казаки в походах о родной прели слежалого сена, о *«приторно-сладком клейком запахе тополей»* (III, 210), о запахе степного донника, *«медвяных запахах цветущего чабреца»* (IV, 115). Даже снег в родном краю имеет *«пряный и пресный»*, *«знакомый и милый сердцу запах»* (IV, 232).

Запах полыни занимает совершенно особое место в прозе М.А. Шолохова, он – органическая часть национального ландшафта, характерный признак степного пространства, он знаком и близок всем, кто живёт здесь: *«В степи – тишина и ветерок, напитанный родным и горьким запахом полыни»* (IV, 47). Все шолоховские герои именно так и воспринимают этот запах – родной и горький. Запах имеет несомненное символическое значение. Он возникает всегда, когда в жизни шолоховских героев происходит какое-то значительное событие, поворотный момент судьбы. Полынный запах «Тихого Дона» даёт сильное ощущение Родины. Григорий мечтает о работе на земле: *«Хорошо бы взяться руками за чапиги и*

пойти по влажной борозде за плугом, жадно вбирая ноздрями сырой и пресный запах взрыхлённой земли, горький аромат порезанной лемехами травы. В чужих краях и земля и травы пахнут по-иному. Не раз он в Польше, на Украине и в Крыму растирал в ладонях сизую метёлку полыни, нюхал и с тоской думал: «Нет, не то, чужое...» (IV, 263). Запах полыни древен, как сама степь, казаки ощущают его в степи постоянно: «сухим теплом и запахом вянущей полыни дышала им в спину ночь» (III, 48). В засуху полынная горечь доминирует над всеми запахами: «Отцвели разномастные травы. На гребнях никла безрадостная, выгоревшая полынь. <...> Терпкий воздух был густ, ветер сух, полынен; земля, напитанная всё той же горечью всесильной полыни тосковала о прохладе» (III, 49). Запах неизменно горек, но также неизменно дорог шолоховским героям. Границы пространства, в котором живут шолоховские герои, расширяются введением «пресного запаха» Дона, «могущественного и слитного» запаха степи, полынного ветра.

С природными ароматами может ассоциироваться и запах любимого человека, который напоминает о родном, близком сердцу: «От мокрых Аксиньных волос тёк нежный волнующий запах. Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, этаким цветком белым...» (I, 26), «хмелем невыбродившим бьёт в ноздри острый сладковатый бабий пот» (I, 47), «и пахло от свежего, нахолодевшего рта то ли ветром, то ли далёким, еле уловимым запахом свежего степного сена» (I, 139), «Григорий вздрагивает. Ему кажется, что он на секунду ощутил дурнопьяный, тончайший аромат Аксиньных волос; он, весь изогнувшись, раздувает ноздри, но... нет! это волнующий запах слежалой листвы» (II, 171). М.А. Шолохов не просто воспроизводит травяной запах, одористичекий образ становится лейтмотивным, в сознании Григория он связывается именно с Аксиньей (Григорий никогда не вспоминает о запахе Натальи!), мгновенно пробуждает тоску по любимой женщине. Запах Аксиньи становится знаком того большого чувства, что «вязало» Аксинью и Григория, знаком причастности к миру природному, неотъемлемому от Родины. Аксинья издаёт этот тончайший природный запах, а Григорий

способен не только его почувствовать, но и дифференцировать, «соединить» с природным миром.

Один из самых ярких и устойчивых в памяти запахов Родины – запах родного куреня, база, хутора. Метой эпической значимости пространства дома является постоянство его запаха (в сцене приезда Бунчука домой *«от страшно знакомого запаха, присущего только этому дому, у него закружилась голова»* (II, 100).

Этот особый, характерный именно для казачьего куреня одористический образ, дан в самом начале повествования: Григорий возвращается с гулянья и чувствует запах, который не раз потом определит как родной, знакомый с детства, волнующий: *«Из сенцев пахнуло на него запахом перекусших хмелин и пряной сухменью богородициной травки»* (I, 29). Запах родного дома немислим без запаха хлеба: *«В кухне сладко пахло топлёным коровьим маслом, горячим припёком хлебов»* (II, 162). Даже в условиях военных действий запах дома, *«преснопригорелого хлеба, выпеченного на капустных листах»* (III, 124), может рождать приятное чувство уюта и тепла. Находясь на постое в хуторе Чукарином, Григорий, *«засыпая, приятно ощущал кисловатое тепло овчиной шубы, укрывавшей его <...> дробно зацокали по полу крохотные копытца козлят, и свежо и радостно запахло сеном, парным овечьим молоком, морозом, запахом скотиньего база»* (III, 125).

Запах дома Аксиньи является для Григория веским доказательством неизменности её чувства, островком в разрушенном мире, сохранившим хоть какое-то постоянство: *«пахло бражным душком свежих хмелин, чисто вымытыми полами и совсем немного, чуть слышно – увядшим чабрецом. Как будто совсем недавно Григорий в последний раз выходил отсюда, а на самом деле как давно всё это было»* (IV, 285). В этом одористическом образе удивительно сочетаются запах родительского дома («бражний душок хмелин»), Аксиньи («увядший чабрец»), чистоты.

Запах родного дома для казака включает и запах двора, база. Возвращаясь после принятия присяги, Григорий чувствует привычные запахи: *«Тянуло жильём, пригоревшей сажеей, парным запахом скотиньего база»* (I, 142), *«со скотиньего база тѣк тяжкий запах парного навоза и сена»* (II, 383).

Особенно остро все эти родные запахи ощутимы при возвращении домой, когда от них сжимается сердце у воевавших героев «Тихого Дона», которым довелось надыхаться горечью чужбины.

Постоянство специфического запаха конницы является показателем традиционности жизненного уклада казачества: *«Казак пронесли его по всем дорогам от Пруссии и Буковины до донских степей, и он, нерушимый душок кавалерийской части, был столь же близок и знаком, как и запах родного куреня»* (III, 307).

Антипод запаха Родины – разрушительный и смертоносный запах войны. Это и «едкий дух солдатчины», насквозь пропитанный табаком, потом и конской мочой и сбруей. Это и сладковатый запах крови, и тлетворный трупный запах, которым, кажется, пропиталась сама природа на поле боя.

Запах всегда связан с потаённой стороной души, потому введение одористических образов продиктовано желанием автора расширить ассоциативный ряд, дать возможность читателю почувствовать то, что скрыто в душе его героев. Примером того, как выстраивается в сознании Григория Мелехова ассоциативная цепочка, включающая в себя всё самое дорогое как для писателя, так и для его героя, могут служить заключительные эпизоды в конце романа-эпопеи. *«От пашни полз через дорогу сизый поток дыма. Пахари жгли выволочки – сухой кустистый жабрей, выцвевшую волокнистую брицу. Запах дыма разбудил в Григории грустные воспоминания: когда-то и он, Григорий, пахал зябь в глухой осенней степи, смотрел по ночам на мерцающее звёздами чёрное небо, слушал перековки летевших в вышине гусиных станиц»* (IV, 243). Григорий прилѣг на косогоре: *«Пресное дыхание*

согретого солнцем чернозёма не могло заглушить тончайшего аромата доцветающих степных фиалок» (IV, 338).

М.А. Шолохов, обладая тончайшими обонятельными реакциями, ввёл в реальность «Тихого Дона» особенные, присущие только казачьему быту, запахи, и многообразие природных ароматов, и запахи-символы – земли, человеческого пота, полыни – как знаки Родины, несущие духовность и гармонию. Обонятельные образы свидетельствуют и о неразрывной связи казаков-земледельцев с родным Доном, родной землёй, обостряя и по-новому раскрывая мотив родства в произведении.

2.2. Хранительницы рода в произведении

Образ Ильиничны на страницах художественного полотна М. А. Шолохова занимает одно из центральных мест. Так, еще Л.Г. Якименко полагал, что именно Ильинична является носителем высшей, глубинной мудрости естественной жизни. «Чтобы выжить в великой беде, – писал исследователь, – надо стать выше самой жизни» [Якименко 1967: 36]. В.А. Чалмаев также оценивает этот образ очень высоко, называя героиню произведения Шолохова богородицей [Чалмаев 1991].

Многие современные исследователи творческого наследия М.А. Шолохова, считая главным в содержании «Тихого Дона» гибель казачества как уникального этноса, видят в Ильиничне главную героиню. Рассматривая образ Ильиничны, мы выделим эпизоды, в которых наиболее ярко проявляются материнские чувства героини, определим авторское отношение к ней.

Нравственную силу и великую жизненную стойкость выделяет М.А. Шолохов в характере матери Григория Мелехова – Ильиничне, воплощающей, по мнению Семанова, «идею материнства и единения всех людей». В тексте произведения она постоянно называется «Ильиничной», – по старинной традиции русского народа пожилую женщину обычно звали по

отчеству, опуская имя. Собственное имя Ильиничны упоминается в «Тихом Доне» лишь один раз – в письме Пантелея Прокофьевича сыну Григорию перед началом мировой войны; он, будучи малограмотным, продиктовал его дочери Дуне: среди принятых по крестьянскому обычаю поклонов от родни упомянуто и родительское благословение от матери Василисы Ильиничны.

В первых главах образ Ильиничны как бы сопутствовал образам Пантелея Прокофьевича и Григория. Казалось, что писателя больше привлекали характеры и внешне броские и яркие. Даже портретные детали служили целям выделения яркого, необычного. Так, описывая горе в семье Мелеховых, Шолохов рассказывает о Пантелее Прокофьевиче, а не об Ильиничне. Словно бы силу горя резче, драматичнее было раскрыть в переживаниях мужчины, сломленного несчастьем. Переживания, чувства Ильиничны упоминались бегло, образ ее как бы отодвигался на второй план.

Женщина, мать, неутомная и хлопотливая, вечно занятая бесконечными домашними работами, и внешне казалась незаметной, и в происходящих событиях принимала малое участие. Всё в доме вершилось волею отца, хозяина, который, хотя и считал нужным советоваться со своей старухой во всех важных делах, всё же часто поступал по своему усмотрению. Например, Пантелей Прокофьевич выгнал Григория из дома, и Ильинична не смогла удержать «взбесившегося и расходившегося старика». Но именно Ильинична решила женить Григория на Наталье и уговорила мужа, «сломила его упрямство» [Хватов 1970: 133]. Именно она воспитала своих детей такими, какими мы видим их в романе: она не только заботилась о них, но и передала им свое мироощущение. Вероятно, это объясняет глубокое родство молодого поколения Мелеховых как раз с матерью, а не с отцом.

Следует также, на наш взгляд, вспомнить о самом М.А. Шолохове, который неоднократно в своих публичных выступлениях, интервью и автобиографических записях отмечал сходство Ильиничны со своей матерью. Это является очередным подтверждением того, насколько образ данной героини дорог автору. «Мудрая и мужественная старуха», – говорит писатель

об Ильиничне; «гордая и мужественная Ильинична», – повторяет он в другом месте. Эти определения передают ту скрытую красоту и величие, которые выразились в опыте всей прожитой трудной жизни, в стойком перенесении всех бед и горестей.

Жизнь с мужем была для нее несладкой. Вот как говорит она Наталье: *«Норов у вас, молодых, велик, истинный бог! Чуть чего – вы и беситесь. <...> А меня идол мой хромоногий смолоду до смерти убивал, да ни за что, ни про что; вины моей перед ним нисколько не было. <...> Придет, бывало, на заре, закричу горькими слезьми, попрекну его, ну он и даст кулакам волю... По месяцу вся синяя, как железо, ходила, а ить выжила же, и детей воскормила, и из дому ни разу не счинаясь уходить...»* (V, 147).

Ильинична рассказывает Наталье о своей жизни совсем не для того, чтобы пожаловаться, по верному замечанию Л.Г. Якименко, она как умела пробуждала в снохе мужество и стойкость, вставала на защиту семьи, детей Григория [см: Якименко 1970: 321]

Она понимает Наталью как никто другой, пытается убедить ее, что счастье женщины – в детях, в том, чтобы вырастить их и поставить на ноги. И если муж не бьет – это уже счастье. Свекровь просит Наталью терпеть, тем более что в казачьей среде не было понятия «развод». Считалось, что брак благословлялся Богом и был нерасторжим.

Ильинична рано постарела, растолстела, страдала болезнями, однако до последнего дня оставалась заботливой, энергичной и рукодельной хозяйкой, любящей матерью и бабушкой.

Война не щадит ее, старуху. Сначала она теряет старшего сына, Петра: *«толпа молча расступилась, почтительно дала дорогу сходявшей с порожков Ильиничне. Она глянула на сани. Мертвенная бледность полосой легла у ней на лбу, покрыла щеки, нос, поползла по подбородку. Под руки подхватил ее дрожавший Пантелей Прокофьевич...»* (IV, 207).

«Ильинична не разбиралась в смысле происходящих на ее глазах событий революции и гражданской войны. Но опытом своей жизни, своим

материнским чувством она часто оказывалась много прозорливее, мудрее, человечнее и Григория, и Пантелея Прокофьевича» [Мельникова 2002: 12].

К примеру, Ильинична, до которой дошел слух о Григории, порубившем в бою матросов, с суровой материнской прямоотой упрекает сына, осуждает его: *«Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энътих, загубленных тобой, тоже небось детки поостались... Ну как же так можно? В измальстве какой ты был ласковый да желанный, а зараз так и живешь со сдвинутыми бровями. У тебя уж, глядикось, сердце как волчиное исделалось... Послухай матерю, Гришенька!»* (IV, 312).

Ильинична поддерживает мужа, выгнавшего со двора убийцу Митьку Коршунова, жестоко расправившегося с семьей ее будущего зятя Мишки Кошевого. Убийцам нет места в их доме.

Когда Дарья застрелила Котлярова, Ильинична, по словам Дуняшки, не стала ночевать с ней в одном доме. В этом поступке проявилось суровое безразличное отношение к снохе, взявшей карабин в руки для убийства незащитного человека. Глубокая человечность, нравственная чистота матери открывается нам в этих действиях и поступках Ильиничны.

Безжалостная смерть отнимает у нее сына, мужа, многих родных и близких людей. *«Много пришлось испытать ей горя, пожалуй, слишком много»* (V, 303). Этот поэтический повтор *«Много... пожалуй, слишком много»* – с неожиданной силой открывает сострадательное и любящее сердце Шолохова. *«С нарастающей мощью звучит мотив горя и утрат в повествовании о последних днях жизни Ильиничны»* [Калашникова 1997: 76].

В последних главах произведения ее образ выдвигается на первый план, где с наибольшей полнотой раскрывается прекрасный и мужественный облик матери. Только о Григории думает Ильинична. Им живет она свои последние дни *«...сердце у меня болит об Грише... Так болит, что ничего мне не мило и глазам глядеть на свет больно»* (V, 293). С беспокойством и великой тревогой мать ждет своего «младшенького». С какой-то иступленной силой она

говорит Аксинье: *«Не может быть, чтобы лишилась я последнего сына. Не за что богу меня наказывать... Живой Гриша! Сердце мое мне вещует – значит, живой он, мой родимый!»* (V, 282).

«Трудно найти в мировой литературе другой пример, где бы с такой захватывающей силой, с такой сердечной теплотой и мудрым пониманием были переданы все тончайшие оттенки материнского чувства», – считает В.А. Чалмаев [Чалмаев 1991: 202].

Громадное внутреннее волнение выражено в ритмической повторяемости одной частицы «не». Этот повтор как бы двойным усилением передает то, что живет в душе Ильиничны, возбуждает скорбную печаль.

«Живой Гриша! – словно заклиная, утверждает мать. – ... *живой он, мой родимый!*» Последние слова – крик любви и веры, вырвавшиеся из самой глубины материнского сердца.

После того, как узнала Ильинична от Прохора Зыкова, что жив ее «младшенький», что воюет он в Красной армии против врангелевцев и белополяков, стала ждать возвращения сына с великим нетерпением. Она пользуется каждым случаем, чтобы вспомнить о Григории, поговорить о нем. Ей казалось, что он может вернуться в любой момент.

«Стоило только Мишатке оказать ей неповиновение, как она тотчас грозила: «А вот погоди, анчутка вихрастый, придет отец, докажу ему, так он тебе всыпет!» (V, 291).

Завидев на проезжавшей мимо окон арбе свежевделанные ребра, она вздыхала и непременно говорила: *«По справе сразу видно, что хозяин дома, а нашему – как, скажи, кто дорогу домой заказал...»* (V, 291).

Никогда в жизни Ильинична не любила табачного дыма и всегда выгоняла курцов из кухни, но за последнее время она изменилась и в этом отношении: *«Сходи покличь Прохора, – не раз говорила она Дуняшке, – нехай придет, выкурит сигарку, а то уже тут мертвежиной воняет. Вот придет со службы Гриша, тогда у нас жилым, казачьим духом запахнет...»* (V, 292).

Каждый день, стряпая, она готовила что-нибудь лишнее и после обеда ставила чугуны со щами в печь, чтобы накормить сына горяченьким. Однажды, придя с бахчи, Дуняшка увидела висевшую на гвозде в кухне старую поддевку Григория и фуражку с выцветшим околышем. Дуняшка вопросительно взглянула на мать, и та, как-то виновато и жалко улыбаясь, сказала: *«Это я, Дуняшка, достала из сундука. Войдешь с базу, глянешь, и как-то легче делается... будто он уже с нами...»* (V, 292).

Дуняшке, упрекнувшей мать в бесконечных разговорах о Грише, Ильинична тихо отвечает: *«Как это мне надоест об родном сыне гутарить? Ты народи своих, а тогда узнаешь...»* (V, 292).

Бесконечно волнуют в образе Ильиничны трогательные проявления её великой и бесхитростной материнской любви. Коротенькое письмо, которое по пути из станицы приносит Прохор, доставляет Ильиничне величайшую радость – ведь осенью на побывку обещает прийти Григорий! В ее старых глазах снова появляются лучистый свет и жизнерадостность. *«...младшенький-то вспомнил про матерю! Как он пишет-то! По отчеству, Ильиничной, повеличал... низко кланяюсь, пишет, дорогой мамаше и еще дорогим деткам, и про тебя не забыл...»* (V, 304) – рассказывает старушка вернувшейся с поля Дуняшке. Ильинична бережно свернула письмо, положила его на божницу, но, видно, передумав, снова взяла, *«подержала в руках и сунула за пазуху, крепко прижала к сердцу»* (V, 304). Детали портрета психологически достоверно передают трепетное отношение неграмотной казачки к письму как голосу сына, как части его самого.

Стала Ильинична часто навещать Аксинью – тоска и ожидание Григория сблизили этих женщин. В. Петелин говорит о том, что любовь к одному человеку объединила их, и мысли их, сердечная боль и любовь – далеко-далеко, там, возле Григория, который ходил в атаки в крымских степях, рубил белополяков [см: Петелин 1962: 316]. Когда он вернется? Вернется ли он? Вот и в этот раз зашла Ильинична к соседке, сначала для приличия поговорила о посторонних делах, а потом достала письмо. С той

поры Аксинье часто приходилось его читать. Старушка приходила к ней по вечерам, доставала тщательно завернутый в платочек желтый конверт, вздыхая, просила: *«Почитай-ка, Аксиньюшка, что-то мне нынче так темно на сердце, и во сне его видела маленьким, таким, как он ишо в школу ходил...»* (V, 305).

С каждым днем Ильинична всё сильнее ощущает свое одиночество. *«Сама жизнь стала ей в тягость...»* (V, 303). С мудрой и величавой простотой, рождающей тревожное волнение, повествует Шолохов о драме материнского сердца. Силы оставляют Ильиничну. Она серьезно заболевает, часами лежит, не шевелясь, полузакрыв глаза – *«... вся жизнь проходила перед ней за эти часы»* (V, 306).

Удивительно, как коротка оказалась эта жизнь, как много было в ней тяжелого и горестного, о чем не хотелось вспоминать. Чаще всего в мыслях обращалась она к Григорию. Быть может, потому, что тревога за его судьбу не покидала ее все годы с начала войны и *«всё, что связывало теперь ее с жизнью, заключалось только в нем. <...> «младшенький вставал в памяти с предельной, почти осязательной яркостью. <...> она начинала слышать свое учащенное сердцебиение... но, отдышавшись, снова думала о нем. Не могла же она забыть своего последнего сына...»* (V, 306). Мы становимся свидетелями последнего подвига матери. Мысли о Григории волновали ее, приближали смерть, но не вспоминать, не думать о нем она не могла.

Писатель сумел проникнуть в самые сокровенные глубины материнского сердца, обнажил ту нетленную и греющую красоту и чистоту внутреннего мира, которая была скрыта, внешне мало проявлялась.

Шолохов показывает, что сама жизнь, идущая своим чередом за стенами дома, неуловимо воздействуя на память, на чувства, пробуждает у Ильиничны волновавшие ее воспоминания. Она видит себя молодой, рослой и красивой. Идет жатва, оторвавшись от работы, она спешит покормить заплакавшего крохотного смуглого Гришатку, шепчет: *«Милый ты мой сыночек. Расхорош*

ты мой! Уморила тебя с голоду мать...» (V, 307). Ей трудно дышать от жары, пот стекает со лба и щекочет щёки, и меркнет, меркнет свет перед глазами.

Впадала Ильинична в беспамятство, не выдерживало волнующей тяжести воспоминаний ее старое, больное сердце, затем приходило мучительное удушье и вновь спасительное беспамятство. Так вспоминала Ильинична самые счастливые часы в своей трудной, бедной радостями жизни.

Превозмогая болезнь, как-то поздно вечером вышла она во двор, прошла на гумно. Аксиныя ясно видела озаренное голубым лунным светом припухшее лицо Ильиничны, седую прядь волос, выбившуюся из-под черной старушечьей шальки. *«Ильинична долго смотрела в сумеречную степную синь, а потом негромко, как будто он стоял тут же возле нее, позвала:*

– Гришенька! Родненький мой! – Помолчала и уже другим, низким и глухим голосом сказала: – Кровинушка моя!..» (V, 308).

Дошел ли до Григория этот последний призыв любящего, страдающего, изнемогающего под тяжестью утрат и горя материнского сердца?.. Но, как верно отмечает Л.Г. Якименко, «у миллионов людей, читающих это место, дрогнет сердце любовью и жалостью...» [Якименко 1970: 324].

Ильинична стоит не двигаясь, но мы чувствуем, как меняется напряжение ее чувств. В том «другом, низком глухом голосе» – сдержанный крик, стон. Старушка чувствует и почти наверняка знает, что ей сына не дожидаться, что вновь она его не увидит.

Еще большую силу всему описанному придает присутствие Аксины, тревожащейся о Григории и любящей его. Она становится невольной свидетельницей безмерного горя Ильиничны, призыва матери к далекому сыну. Аксиныя содрогается от тоски и страха.

Так Шолоховым достигается полнота и объемность психологической характеристики, которая приводит в движение самые сокровенные чувства человека.

Ильинична понимает, что скоро умрет. Она достает из сундука и кладет себе под подушку рубашку сына, готовит свое *«смертное»*, дает наказ дочери:

«Детишек береги, соблюдай, пока Гриша возвратится... А я уж его, видно, не дождуся...» (V, 309). И, отвернувшись к стене, плачет, закрыв лицо платком, чтобы Дуняшка не видела ее слез.

Образ Ильиничны-матери раскрывается Шолоховым в самых различных жизненных обстоятельствах. Так, мы видим Ильиничну не только в любви и тоске по Григорию, но и в отношении к Михаилу Кошевому.

Сразу же после возвращения в хутор Кошевой идет к Мелеховым, к своей «Евдокии Пантелеевне». Сурово и неприветливо встречает его Ильинична: он убил ее старшего сына Петра, свата – деда Гришаку, он был, по ее словам, «душегубом». *«Душегуб ты! Душегуб! Ступай отсюда, зрить я тебя не могу! – настойчиво твердила Ильинична»* (V, 296). Она категорически запрещает дочери встречаться с ним, но Дуняшка любит Михаила, мать терпит его присутствие.

Чувство жалости первый раз победило *«твердую старуху»*, когда она увидела, как трясла Кошевого малярия. Ильинична было послала с маленькой Мишаткой одеяло, но, увидев, что Дуняшка уже позаботилась о своем суженом, остановила внука. Вечером она пригласило Михаила ужинать: *«Иди, кличь этого... как его... вечерять»* (V, 299). Ильинична наблюдала за Кошевым, замечала, как страшно исхудал он за время болезни: *«Чем больше всматривалась Ильинична в сутулую фигуру «душегуба», в восковое лицо его, тем сильнее испытывала чувство какого-то внутреннего неудобства, раздвоенности. И вдруг непрошенная жалость к этому ненавистному ей человеку – та щемящая материнская жалость, которая покоряет и сильных женщин, – проснулась в сердце Ильиничны. Не в силах совладать с новым чувством, она подвинула Мишке тарелку, доверху налитую молоком, сказала: – Ешь ты, ради бога, дюжей! До того ты худой, что и смотреть-то на тебя тошно... Тоже, жених!»* (V, 300).

Только мать способна на такой порыв чувства. Только она смогла так, от всего сердца, пожалеть человека, который был причиной ее страшного горя. Пожалеть, хотя и не простить.

Еще более выразителен эпизод с рубахой перед самой смертью Ильиничны. *«Утром Дуняшка, как всегда, зашла проведать мать. Ильинична достала из-под подушки аккуратно свернутую рубаху Григория, молча протянула ее Дуняшке.*

– Что это? – удивленно спросила Дуняшка.

– Гришина рубаха... Отдай мужу, нехай носит, на нем его старая-то небось сопрела от пота... – чуть слышно проговорила Ильинична» (V, 308).

По выражению Л.Е. Корсаковой, «рубаха как подробность вещного мира приобретает здесь значение реалистического символа», наполненного глубоким и емким содержанием. Сознавая близость своей кончины как хранительницы мелеховского родового очага, мудрая Ильинична таким способом пытается продолжить линию своего рода, допуская в него через дочь представителя социально чуждой и враждебной ей среды [см: Корсакова, 2002: 35].

Михаил Кошевой оставался для Ильиничны чужим. Она долго противилась его браку с Дуняшкой, а затем, благословляя дочь, сказала дрогнувшим голосом:

«– Ну что ж, дочушка... – прошептала она, снимая икону, – раз уж ты так надумала, господь с тобой, иди... Дуняшка проворно опустила на колени. Ильинична благословила ее, сказала: – Этой иконой меня покойница мать благословляла... Ох, поглядел бы на тебя зараз отец... Помнишь, что говорил он о твоём суженом? Видит бог, как тяжело мне... – и, молча повернувшись, вышла в сени» (V, 304).

Ильинична сделала попытку, хотя и слабую, защитить разрушавшиеся устои патриархальной семьи. Сославшись на Пантелея Прокофьевича, Ильинична упрекнула дочь в пренебрежении волей умершего отца. Но помешать дочери идти своим путем у Ильиничны не хватило сил. Да и дети не должны быть сиротами.

Дуняшка и Михаил увлечены собственным счастьем. Примирившись с замужеством дочери, *Ильинична «хотела лишь одного: дождаться Григория,*

передать ему детей, а потом навсегда закрыть глаза. За свою долгую и трудную жизнь она выстрадала это право на отдых» (V, 303).

Умерла Ильинична просто и величаво, как умирают много потрудившиеся на своем веку старые люди. Смертный тлен не обезобразил ее. И в гробу, мертвой, осталась она строгой и красивой.

Глазами Аксиньи мы видим эту героиню в последний раз: *«Прикоснувшись губами к желтому холодному лбу покойной, Аксинья заметила знакомую ей непокорную, выбившуюся из-под беленького головного платочка седую прядь волос и крохотную круглую, совсем как у молодой, раковинку уха» (V, 309).*

Итак, М.А. Шолохов изобразил Ильиничну мудрой, гордой, мужественной женщиной, которая своим материнским чувством чрезвычайно точно определяла подлинную правду жизни, ее суть.

Судьба ее была нелегкой, подчас несправедливой и даже жестокой, но высота ее нравственного облика, сила морального духа, разумность, трудолюбие и практичность в гармоничном сочетании с богатым жизненным опытом позволяли ей, хорошей жене и заботливой матери, принимать поистине мудрые решения, оберегая теплотой своей щедрой души всю семью.

Несомненно, в образе Ильиничны Шолохов создал замечательный символ матери, сосредоточивший в себе лучшие черты нравственного обаяния русской женщины, женщины-матери.

С волнующей глубиной изображена Шолоховым жизненная драма Натальи. Позиции ученых в оценке этой героини разделились. Б.Л. Дайреджиев в статье «О «Тихом доне» отчетливо противопоставил свободную «от патриархальных пут» Аксинью и коршуновскую дочь Наталью [см: Дайреджиев 1962: 127]. Другой известный критик – А.И. Хватов – выступал против принижения характера Натальи и считал, что незащищенные честность и благородство героини стали причинами ее трагической судьбы. С его точки зрения, нравственность – это преобладающее качество характера Натальи. И с этим нельзя не согласиться.

А.В. Огнев считает, что идеал женщины, с позиции писателя, сосредоточен именно в Наталье [Огнев 1996: 58]. Подобного мнения придерживается и В.А. Чалмаев. Бондарев сравнивает героиню Шолохова с богородицей: «Наталья же – один из лучших образов женщины скорбящей, любящей, терпящей, тип рублевской богородицы. Современная мировая литература такого духовного постижения сущности женщины еще не знала» [Бондарев 1980: 302]. На наш взгляд, такая бурная полемика авторитетных исследователей шолоховского наследия лишний раз подтверждает актуальность и значимость данного женского образа. Со страниц романа встает «строгий и скорбный облик прекрасной русской женщины, чистой и сильной в своих переживаниях и порывах» [Ершов 1980: 164].

Наталья, жена Григория, появилась у Мелеховых, как подсчитал С.Н. Семанов, в августе 1912 года. Она была старшей и любимой дочерью в большом семействе Мирона Коршунова, богатейшего казака в хуторе. Они жили в огромном курене, покрытом железом, вели большое хозяйство, постоянно держали работников.

Пантелей Прокофьевич твердо решил женить сына, даже не спрашивая его мнения. И невесту нарочно выбрал – как бы в противовес «распутной» Аксинье – девушку скромную и «слухмённую» из строгой и домовитой семьи.

Наталья полюбила Григория сразу, с первого взгляда. Мирон Григорьевич противится ее браку: не хочет выдавать дочь из первого в хуторе куреня в небогатую семью Мелеховых, «турков». Митька всячески чернит в глазах сестры своего школьного товарища. Но Наталья упрямо стояла на своем. *«Люб мне Гришка, а больше ни за кого не пойду! <...> Не нужны мне, батенька, другие... – Наталья краснела и роняла слёзы. – Не пойду, пуцай и не сватают...»* (II, 80) – решительно заявила она, и никакие уговоры не могли повлиять на нее.

Провожая жениха, приехавшего перед свадьбой по обычаю провести свою невесту, Наталья *«отворила ворота, из-под ладони глядела вслед...»*

«Одиннадцать дён осталось», – высчитывала в уме Наталья и вздохнула и засмеялась» (II, 90).

В этом душевном движении выразил автор наивную и радостную силу чувства героини. В нём и робкое, нетерпеливое ожидание, и молодая, доверчивая вера в неизведанное, волнующее и прекрасное счастье замужества. И всё-таки, неизвестностью томила новая, стоявшая у порога жизнь.

Многие известные критики отмечают долготерпение и однолюбие Натальи. Стеснительность и целомудрие не позволили ей даже поцеловаться с любимым до свадьбы: *«Совестно»*. И потом, замужней женщиной, она остается такой же сдержанной и стыдливой, как и в девичестве.

«Бесхитростный, чуть смущенный взгляд», «тоскующие», «смелые серые глаза», «сдержанная улыбка» и «большие раздавленные работой руки» – вот основные портретные детали в характеристике Натальи. И в самом деле – *«девка... что на полях, что дома»* (II, 68), *«работа варом в руках: что рукодельница, что хозяйка»*. Эти детали повторяются и становятся характерологическими в раскрытии женщины-труженицы, хранительницы домашнего очага. Главное, с позиции автора, в Наталье – целомудренная чистота и сдержанная стыдливость чувства, которые придают ее облику волнующее обаяние и прелесть.

Е.А. Ширина справедливо утверждает, что в образе Натальи «особенно ощутимы фольклорные традиции» [Ширина 1998: 26]. Устной народной поэзии издавна знакомы натуры кроткие, *«слезливые»*. Безответные жертвы тяжелого семейного быта они безропотно покоряются воле мужа. Но несмотря на это, Наталья натура *«вырывающаяся»*, сильная и цельная.

Писатель выделяет трудолюбие Натальи как одно из главных качеств ее характера. Он останавливает наше внимание на ее *«больших, рабочих руках»*, говорит о *«широкой, рабочей спине»* героини. Мы чаще всего видим Наталью за работой: в степи, на огороде; возит снопы, пашет с Григорием, хозяйничает возле печи в курене.

Ильинична привязалась к Наталье с первых же дней. Свекры ее жалели: *«Постись, постись, моя чадунюшка!.. Иди позорюй, без тебя управимся»* (II, 123).

Григорий и Наталья жили внешне мирно, но только внешне. Он тяготился нелюбимой женой, она чувствовала это, молча страдала. «Ее отношения с мужем в первый год после свадьбы Шолохов сравнивает со звёздным займищем, со снегом – так холодна и медлительна ее любовь, так глубоко скрыты ее чувства» [Агеносов 1997: 79].

Близкие, разумеется, не могли не замечать холодности их отношений и, зная истинную причину их неладов, – привязанность Григория к Аксинье, – сочувствовали Наталье, которая даже внешне изменилась: *«На пожелтевших щеках ее, как на осеннем листке, чахнул неяркий румянец. Она заметно исхудала,.. в глазах появилось что-то новое, жалкое...»* (II, 145). Она убедилась, что ее муж любит другую. Да и сам он с присущей ему прямоотой сказал: *«Не люблю я тебя, Наташка, ты не гневайся...»* (II, 136).

Отчаявшись, пожаловалась Наталья родителям на Григория. Пантелей Прокофьевич, не заметив в нём раскаяния, неистово вспылал и выгнал сына из дома. Григорий с Аксиньей бежали в Ягодное. Брошенная Григорием Наталья возвратилась в дом Коршуновых, пала перед отцом на колени: *«Батянюшка, пропала моя жизнь!.. Возьми меня оттель! Ушел Гришка со своей присухой!.. Одна я! Батянюшка, я как колесом перееханная!»* (II, 171). Это был неслыханный скандал, породивший на хуторе массу сплетен. Переживали все: и Коршуновы, и Мелеховы, особенно терзалась опозоренная Наталья. Но любовь ее к мужу не умирает. Она ждет его сердцем, надеется, что он одумается и вернется к ней.

На посиделках соседки спрашивают Наталью о муже. Горячая кровь плеснулась ей в лицо: она стыдится своего неопределенного положения, готова простить мужа и перед Пасхой посылает трогательное письмо Григорию в Ягодное, где с кротостью и достоинством просит его помириться. Ответ был сух и категоричен: *«Живи одна. Мелехов Григорий»* (II, 197).

Потрясенная Наталья не выдержала: *«Легкий озноб сотрясал ее согнутое калачиком тело,.. масляной нездоровой поволокой подернулись глаза»* (II, 197). После пасхального богослужения, подслушав в церкви грязные разговоры, злые усмешки в свой адрес, *«пьяно раскачиваясь, побежала она домой»* (II, 199). Униженная, она попыталась покончить с собой: в сарае вонзила себе косу в горло. Она осталась жить, но ранение было чудовищным: семь месяцев пролежала она в постели, ей было так плохо, что священник соборовал ее, как умирающую. Но здоровый молодой организм победил, к концу года она поправилась, только на шее остался глубокий некрасивый шрам, да голову она стала держать чуть набок. Вся семья Мелеховых очень переживала за нее, ее по-прежнему любили. У родных жилось ей невесело; к тому же брат Митька стал приставать к ней с самыми гнусными желаниями. В марте 1914 года Наталья вернулась к Мелеховым, которые приняли её с радостью.

Этот поступок Натальи говорит об исключительной, по мнению С.Н. Семанова, самоотверженности и внутренней силе ее натуры. «Брошенная жена, оскорбленная женщина, она твердо остается верной своему супругу, одному на всю жизнь любимому человеку. Своим возвращением в семью покинувшего ее Григория она решительно преодолевает собственное уязвленное самолюбие и пересуды окружающих, преодолевает во имя нравственных ценностей, столь сильно присущих ее душевной природе» [Семанов 1977: 139].

Характер и нравственное обаяние сказывается и раскрывается в самых разных связях и положениях. Люди познаются не только по своим действиям, размышлениям, поступкам, но и по тому отношению, которое встречают они со стороны окружающих. Берегла и любила Наталью Ильинична; доверчиво делилась с ней всеми своими девичьими тайнами Дуняшка; в трудную для себя минуту обращалась к ней и Дарья. Наталья привлекала сердца нравственной чистотой и силой, редким даром доброты и внимания к людям. Даже Пантелей Прокофьевич, вспыльчивый, тяжеловатый по характеру

старик, души не чаял в Наталье, ни разу голос не повысил на нее, а в этот раз твердо решил примирить невестку и сына.

После выздоровления Наталья вновь предпринимает попытку вернуть Григория. Она решается сходить к Аксинье, вымолить, упросить ее вернуть мужа. Она наивно полагает, что от Аксиньи зависит всё – одно ее слово и счастье вернется. Пешком идет Наталья в Ягодное. Здесь ждет ее тяжкое унижение: глумится над ней Аксинья, утверждает, что вернула свое. Содрогаясь, видит Наталья ребенка Аксиньи: на нее смотрят *«угрюмоватые черные глаза Григория»*.

Материнские права Аксиньи она не могла не принимать во внимание. Рыдая и покачиваясь, уходит Наталья из Ягодного. Именно с этого момента она считает Григория навсегда потерянным для себя. Но судьба распорядится иначе, и Григорий возвращается в родной курень. С этого момента Наталья словно перерождается.

Любовь к мужу в художественном мире Шолохова неразрывна с материнством. В начале сентября следующего года Наталья родила двойню. Потрясает сцена родов. Почувствовав приближение предродовых схваток, Наталья поспешно уходит из куреня за хутор, мучимая болями, ложится в зарослях дикого терна. Там она и родила. *«Уже стемнело, когда она задрами пробралась домой. В холщовой завеске принесла двойнят»*.

– Милушка моя! Проклятая! Что ж ты это?.. Где ж ты была? – заголосила Ильинична.

– Я от стыда ушла... Батю не смела... Я чистая, маманя, и их искупала... Возьмите... – бледнея, оправдывалась Наталья» (III, 57).

Наталья-мать приобретает одухотворенную и возвышенную красоту. Грудью кормила малышей до года: *«... часто, примостившись боком к кровати, свесив ногу, брала из люльки двойнят и, движением плеч высвобождая из просторной рубахи туго налитые, большие бело-желтые, как дыни, груди, кормила сразу двоих»* (III 57).

Материнство в эстетическом чувстве Шолохова всегда связано с проявлением самого прекрасного и доброго в человеке. Оно украшает женщину, облагораживает ее. Даже Григорий замечает произошедшую с Натальей перемену: *«красивая баба... Небось, завидовали на нее казаки...»* (III, 258). Физический изъян как бы ступшевуется. Глаза, излучающие ясный свет большой души, становятся доминирующей чертой ее портрета. Если в начале повествования о ее глазах сказано *«смелые серые»*, то теперь примечательная особенность их в том, что они большие, огромные: *«... на похудевшем лице молочно блестели зубы да теплым парным блеском светились, от худобы казавшиеся чрезмерно большими, глаза»* (III, 263).

Не любимая Григорием вначале, отвергнутая им, она, став матерью, постепенно завоевывает свою любовь. С огромной силой этот новый облик Натальи передан Шолоховым в словах: *«Она была рядом с ним, его жена и мать Мишатки и Полюшки. Для него она принарядилась и вымыла лицо. <...> сидела она такая жалкая, некрасивая и всё же прекрасная, сияющая какой-то чистой внутренней красотой. <...> Всё это из-за него... Могучая волна нежности залила сердце Григория. Он хотел сказать ей что-то теплое, ласковое, но не нашел слов и, молча притянув к себе, поцеловал белый покатый лоб и скорбные глаза.*

Нет, раньше никогда он не баловал ее лаской. Акси́нья заслоняла ее всю жизнь. Потрясенная этим проявлением чувства со стороны мужа и вся вспыхнувшая от волнения, она взяла его руку, поднесла к губам. Минуту они сидели молча. <...> На крыльце шумели детишки» (V, 66).

Шолохов специально выделяет во внешнем облике красивой Натальи следы болезни, ранения для того, чтобы яснее проступила внутренняя красота беспредельно любящей женщины, матери. Акси́нья, всю жизнь заслонявшая перед Григорием Наталью, отошла в эти мгновения на второй план, поступилась перед Натальей-матерью. Сила внутреннего озарения Григория тем более велика, что приехал он в родной хутор прямо от Акси́ньи, после дней, проведенных с ней в Вешенской.

Свою бесконечную верность «единственному», «Гришеньке» Наталья противопоставляла любви Аксиньи, как настоящее чувство призрачному. Ее больно ранит тяготение Григория к Аксинье, его мимолетные связи с другими женщинами. Она не хотела и не могла прощать человеку, которому отдала всё. Измены его были оскорбительны для нее, матери его детей, и она всем своим существом восставала против них. В этом, по мнению Ф. Бирюкова, была сила и нравственность ее жизненной позиции [см: Бирюков 1976: 342].

Наталья стелет спать себе и мужу в разных местах. Этим она показывает, что опоганивший себя случайными связями Григорий не мог быть ее мужем, она отвергает его всей силой и чистотой своей любви. *«За что ж ты меня опять мучаешь? – упрекает она Григория. – Дети у тебя у вон какие!»* (IV, 283). Невольно Наталья снова толкает мужа к Аксинье. Прощаясь, она холодно обнимает его и отворачивается. В глазах ее были не слезы, а *«горечь и потаенный гнев»* (IV, 312).

Приближение катастрофы выражено писателем в поэтическом разнообразии жизненных обстоятельств, в описании подробностей. Провожая мужа, Наталья накинула на голову черную косынку. С гнетущей тоской и тревогой отъезжает Григорий от родного дома. Оглянувшись, он увидел, что *«у ворот стояла одна Наталья, и свежий предупренный ветерок рвал из рук ее черную траурную косынку»* (V, 71). Черная косынка, которую обычно носят старые женщины (торопясь выйти за мужем, Наталья захватила ее у свекрови), становится в ее руках *«траурной»*. Символизация детали нужна писателю как предзнаменование о судьбе героини.

Людская молва о том, что Григорий снова видится с Аксиньей, доходит до Натальи. Она ни с кем не делится своими переживаниями, замыкается в себе.

Характерно, что если в Ягодном Наталья, увидев дочку Аксиньи и Григория, признала свое поражение, то, сама став матерью, она защищает своих детей, свой род всеми доступными ей средствами. Она вновь идет к Аксинье для решительного объяснения. Но перед нами в этот раз уже

уверенная в себе, утвердившаяся в своем праве жена и мать, которая не унижит себя ни мольбой, ни истерической вспышкой; не прошли даром горькие уроки, оставившие глубокие следы в сердце. «... У меня двое детей, и за них и за себя я постоять сумею!» (V, 142) – решительно говорит Наталья. Она уже способна постоять за себя и в этом своем протесте опирается на освященное моралью право жены и матери.

Страдания Натальи тем сильнее и горше, что она считает Аксинью недостойной любви Григория: «Одно я знаю: не любишь ты его, а тянешься за ним по привычке. Да и любила ль ты его когда-нибудь так, как я? Должно быть, нет. Ты с Листницким путалась, с кем ты, гулящая, не путалась? Когда любят – так не делают» (V, 142). В этих словах Натальи чувствуется не только осуждение, но и суровая горечь униженной женщины, жены, матери. Она была из тех гордых и стыдливо-скрытных натур, что переживают в одиночестве, долго таят всё в себе. А когда настает момент, когда внутренние силы иссякают, прорываются они испуганным криком.

Очень ярко описана Шолоховым трагедия Натальи с помощью пейзажа «Черная клубящаяся туча ползла с востока. Глухо грохотал гром. Пронизывая круглые облачные вершины, извиваясь, скользила по небу жгуче-белая молния» (V, 145). В природе всё изменилось поразительно быстро: ведь еще недавно ничто не предвещало грозы. Но горе Натальи настолько велико, что оно как бы само собой вызывает смятение, согласный отклик в природе. Внезапно наступившая гроза воспринимается как вполне естественное явление.

Всё, что так долго таила в себе героиня, прорывается со страшной силой. В каком-то полубезумном испуге она проклинает Григория, призывает на него смерть: Наталья, «... повернувшись лицом на восток, молитвенно сложив мокрые от слез ладони, скороговоркой, захлебываясь, прокричала:

– Господи! Всю душеньку мою он вымотал! Нету больше силы так жить! Господи, накажи его, проклятого! Срази его там насмерть! Чтобы

больше не жил он, не мучил меня!..» (V, 145). Душевная буря Натальи, ее смятение, предельная сила возмущения и надвигающаяся гроза сливаются в едином могучем звучании.

Эта простая женщина, призывающая под раскаты грома смерть самого дорогого ей человека, подлинно велика в проявлении своего возмущенного, потрясенного чувства. Писатель создает величавую трагедийную картину. Суеверный ужас Ильиничны, матери проклинаемого Григория, и беспредельное отчаяние Натальи, жизнь для которой без верности и любви Григория теряла всякий смысл и ценность, слепящие вспышки молний, раскаты грома, пустынная, затянутая тьмой степь... Какой могучий взрыв чувств, звуков, красок!

По справедливому замечанию И.С.Юшковой, Шолохов воссоздает жизнь в самых резких, драматических ее переходах. От радости и счастья любви, материнства переходит Наталья ко всей безнадежности отчаяния. Горе, которое она переживает, надломило ее. Образовался какой-то разрыв, возникла трещина между Натальей и миром жизни, окружающим ее. Тяжелая семейная драма завершается страшным исходом [см: Юшкова 2000: 11].

При внешней скромности и даже застенчивости, Наталья отличалась характером самостоятельным, сильным и довольно скрытным. Только в самом начале нелегкой супружеской жизни выносила она свои потаенные обиды на семейный совет. Потом всё решала сама: и возвращение в семью Мелеховых, и объяснения с Аксиньей, и многое другое. Так и теперь, гордая и оскорбленная, Наталья решилась на глубоко противоречащий ее природе поступок – избавиться от ребенка, которого ждала от Григория. Ильиничне она объясняет: *«Буду я с Григорием жить или нет, пока неизвестно, но родить от него больше не хочу. Ишо с этими не видно, куда придется деваться...»* (V, 148).

Любя и жалея невестку, Ильинична утешает и отговаривает ее. Однако решение Натальи непреклонно, и после разговора со свекровью она незаметно уходит из мелеховского куреня к бабке-повитухе. К вечеру того же дня

Наталья вернулась домой ослабевшая, истекая кровью. *«С каждым часом Наталья всё больше и больше слабела»* (V, 152). Она боится впасть в забытие и больше никогда не увидеть своих детей. Чувствуя, что конец ее близок, она высказывает последнее пожелание: чтобы после смерти ее одели в *«зеленую юбку, в энту, какая с прошивкой на оборке... Гриша любил, как я ее надевала...»* (V, 153).

«Легкий румянец заиграл на щеках Натальи, когда она услышала Мишаткин голос и смех Полюшки.

– Кличьте их сюда! Кличьте скорее!.. – просила она. <...>

Полюшка вошла первая, на пороге остановилась, кулачком протирая заспанные глаза.

– Захворала твоя маманька... – с улыбкой проговорила Наталья. – Подойди ко мне, жаль моя!» (V, 156). Прощаясь с Мишаткой, *«Наталья притянула сынишку к себе, почувствовала, как быстро, будто у пойманного воробья, колотится маленькое Мишаткино сердце. <...> Она что-то зашептала Мишатке на ухо, потом ... спросила:*

– Не забудешь? Скажешь? <...> Наталья до дверей проводила его взглядом и молча повернулась к стене. В полдень она умерла» (V, 157).

Сердце мгновенно пронзает печаль, и мы видим сквозь туман, застлавший глаза, на подоконнике мелеховской горницы *«слезинки росы»*, которые стряхнул *«с вишневых листьев ветер»*.

Тонкий ценитель и известный исследователь творчества М.А. Шолохова, критик В.А. Чалмаев, впоследствии так будет анализировать сцену передачи Мишаткой последней воли Натальи: *«когда после похорон Натальи малолетний Мишатка, неловко обняв отца, вскарабкавшись к нему на колени, поцеловав его как-то торжественно, с глазами, затуманенными от непосильной еще его сердцу миссии – передачи последней просьбы матери, говорит:*

– «Маманька, когда лежала в горнице... когда она ишо живая была, подозвала меня и велела сказать тебе так: «Приедет отец – поцелуй его за

меня и скажи ему, чтобы он жалел вас». Она ишо что-то говорила, да я позабыл...» (V, 163).

Никакой риторики, пышнословия, сплошное умолчание (*«она ишо что-то говорила»*) – и такой сложный узел человеческих отношений! Как будто мгновенный фотоснимок человеческой души вдруг *«проявлен»* здесь! Отголосок любви к Григорию, печаль за детей, возможно, раскаяние в своем порыве мстить, надежда на доброе воспоминание о себе... *«Посланец»* Натальи плохо выполнил свое поручение, забыл *«что-то»*. Но мы, читатели, не хотим иных посланцев, мы испугались бы их болтовни.

В самых бесчувственных душах есть какие-то *«капсюли»* с душевным взрывным материалом. *«Их «укалывает»* именно детская беззаботность. Может быть, сразу же после своего сообщения Мишатка убежит играть на улицу? Он бегло сказал нечто важное, и всех в доме обступила горькая тоска, мука личного горя» [Чалмаев 1991: 218].

Появление детей постепенно меняет отношение Григория к Наталье. Вначале и к ним Григорий не испытывал того глубокого отцовского чувства, которое возникло в нем позднее. На короткий срок приезжая с фронта домой, он ласкал их как бы по обязанности и чтобы сделать приятное матери, сам же не только не ощущал в этом какой-то потребности, но не мог без недоверчивого удивления смотреть на Наталью, на бурное проявление ее материнский чувств. *«Он не понимал, как можно было так самозабвенно любить эти крохотные крикливые существа» (V, 164).* Дети относились к нему с не меньшим равнодушием, но по мере того, как они росли – росла и их привязанность к отцу. Детская любовь разбудила у Григория ответное чувство, и оно, как огонек, перебросилось на Наталью.

После разрыва с Аксиной Григорий никогда не думал всерьез о том, чтобы разойтись с женой. Он не прочь был жить с ними обеими, любя каждую из них по-разному, но, *«потеряв жену, вдруг почувствовал и к Аксинье какую-то отчужденность, потом глухую злобу за то, что она выдала их отношения и – тем самым толкнула Наталью на смерть» (V, 165).*

Как ни старался Григорий, уехав в поле, забыть о своей горе, – в мыслях он неизбежно возвращался к этому. Память настойчиво воскрешала давно минувшие эпизоды совместной жизни. *«Стоило на минуту снять узду с услужливой памяти, и перед глазами его вставала живая, улыбающаяся Наталья. Он вспоминал ее фигуру, походку, манеру поправлять волосы, ее улыбку, интонации голоса...»* (V, 165).

Может быть, Наталья многого не понимала в терзаниях Григория, в его душевных перегрузках, в невольных «отступлениях» от норм, дома, семьи. Григорий искренен, открыт в самооправданиях перед женой. У Натальи один ответ – с позиции семьи, зыбкого гнезда человеческого. И сложно не содрогнуться от ощущения искренности и человечности ее борьбы за свое достоинство. Хотела она гордого, незапятнанного счастья взаимной любви, которое досталось бы ей не в борьбе и соперничестве, а по человеческому праву. Жестокая, путаная жизнь не дала ей такого счастья. *«Против»* нее и война, забирающая Григория, и всеобщее посрамление нравственных абсолютов в хаосе гражданской войны, неуважение к чистоте, хрупкости.

Наталья проходит перед читателями «Тихого Дона» как героиня, до конца верная своему материнскому призванию. С Ильиничной ее объединяет мудрое спокойствие хранительниц домашнего очага, продолжательниц рода. Чувство материнской любви заставляет обеих женщин осуждать насилие и жестокость. Становится очевидно: о бессмертии народа, о детях больше всего думали, тревожились именно такие казачки, и их ноша была тяжелей всего.

2.3. Дети и детство в шолоховском мире

Дети – это будущее целого народа. Сочувствием, любовью и нежностью проникнуты образы детей в казачьих семьях, ярко и тепло описаны в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Дети в казаче-крестьянском мире считались продолжением казачьего рода, корня. Рождению детей и внуков тут

горячо и искренне радовались, заботы о малолетних никого не утомляли и не пугали, просто не замечались в общей суете большой семьи.

По мнению Н.А. Дворяшиной, Шолохов неслучайно «закольцовывает» произведение, обрамляя его детскими образами. В начале романа идет повествование о драматическом появлении на свет сына Прокофия Мелехова. Потрясённый убийством жены, он *«с трясущейся головой и остановившимся взглядом кутал в овчинную шубу красно-слизистый попискивающий комочек – преждевременно родившегося ребеночка»* (I, 8). В рассказе о дальнейшей судьбе героя внимание сфокусировано на детали, говорящей о многом: вернувшись с каторги, он *«взял сына и стал на хозяйство»* (I, 9). В финале романа уже внук Прокофия Мелехова – Григорий также приходит к родственному двору и сыну *«Опустившись на колени... Григорий взял на руки сына... Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...»* (IV, 829).

Дети у Шолохова везде и всюду, и в обычном течении дней, и во всех перипетиях войн и революции: играют на хуторских улицах, купаются в реке, по-своему реагируют на природные изменения. Детские голоса, детский смех во всем многообразии своего звучания вторгаются в воссозданный писателем мир народной жизни. Ребенок включен в общие дела и заботы, сопричастен всем семейным радостям и горестям. Он еще на руках у матери, но именно с ним жены провожают на службу своих мужей: Дарья – Петра, Аксинья – Григория. С ним едут на луговой покос, с ним переживают радость возвращения воинов или трагедию их гибели.

Дети – неперемные участники всех важных событий. Семьи раньше были большие, и, чтобы вырастить урожай, нужны были рабочие руки. Они выполняют необходимую для семейной жизни работу, являются помощниками в домашних делах, рано вводятся в круг хозяйственных забот, берут на себя обязанности старших.

Рождение ребенка для героев романа – высшая радость, которая преображает человека. Ожидание детей осветит счастьем лицо Натальи, с их

рождением она «расцветет и похорошеет диковинно», «бескрайне красивыми» сделаются ее глаза. Наталья-мать приобретает одухотворенную и возвышенную красоту. *«Всю жизнь вбивала в детей», – говорит о ней писатель, – «всё время, свободное от работы по домашности, тратила на них: мыла, стирала, вязала, штопала...»* (III, 57). Так, вбивая себя в детей, живут все казачьи семьи. Может быть, каким-то исключением видится отношение к ребенку Дарьи Мелеховой. Её единственный ребенок умер во младенчестве, причем в романе не упомянуто ни имя, ни даже пол его: говорится просто – «дитя», а затем: *«дитя у Дарьи померло»*. Это очень глубокая и точная художественная деталь: Дарья никогда не вспоминала о своем рано умершем ребенке, – очевидно, она пережила это так же легко, как и впоследствии смерть мужа. «В эпопее есть интересная параллель: дети являются мерилем жизненности самих героинь. Не имея, в сущности, детей, Дарья очень скоро умирает и как женщина. Шолохов не видит в героине ничего прекрасного, несмотря на внешнюю привлекательность» [Дворяшина 2016: 14].

В описании губ Аксины, ее красоты, ее глаз то и дело появляется эпитет «порочные». Эпитет этот исчезает, когда Аксинья становится матерью. Она с Григорием уходит в Ягодное, будучи уже беременной, но пока не говорит Мелехову об этом. Когда беременность скрывать стало невозможным, признаётся. *«Разговор происходил вечером. Волнуясь, Аксинья сказала и жадно искала в лице Григория перемены, но он, отвернувшись к окну, досадливо покашливал»* (II, 201). Аксинья замыкается в себе. *«Она подурнела за лето, но статной фигуры ее почти не портила беременность: общая полнота скрадывала округлившийся живот, а исхудавшее лицо по-новому красили тепло похорошевшие глаза»* (II, 202).

Сцена родов Аксины описывается Шолоховым достаточно подробно. *«То, чего ждала Аксинья с тоской и радостным нетерпением, то, чего смутно побаивался Григорий, случилось на покосе»* (II, 204). Мелехов торопливо пытается отвезти Аксињу домой, в Ягодное. По пути туда, в

повозке, она и рождает: *«подплывшая кровью Аксинья лежала, раскидав руки; под юбкой ворохнулось живое, пискнувшее... Ошалевший Григорий соскочил на землю... Вглядываясь в пылуемый жаром рот Аксиньи, скорее догадался, чем разобрал:*

– Пу-по-вину пер-гры-зи... за-вя-жи ниткой... от ру-ба-хи...» (II, 205).

После родов Аксинья заметно располнела. Но удивительно, как меняется описание внешности героини: теперь у нее и *«похорошевшие глаза»*, и новая *«уверенно-счастливая»* осанка! Аксинья-мать приобретает внутреннюю, одухотворенную красоту.

Женская страсть, неотступно владевшая Аксиньей, со временем соединилась с мудрой силой материнской нежности. Вся любовь ее к Григорию перекинулась на дочь, и особенно после того, как убедилась она в том, что именно от Мелехова родила она ребенка. А доказательства этого жизнь являла неопровержимые: черные курчавые волосы, глаза, чернея, удлинялись в разрезе. *«С каждым днем девочка всё разительнее запахаживалась на отца, даже улыбка отсвечивала мелеховским, Гришкиным, звероватым. Теперь без сомнения узнавала Аксинья в ребенке отца и от этого прикипала к нему жгучим чувством...»* (II, 346). Девочку назвали Таней. Григорий очень привязался к ней, полюбил ее, но ему нужно было уезжать: ведь он уже служил в армии, а потом началась война.

Н.А. Дворяшина в статье *«Дар детскости в героях романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»* отмечает, что важным аспектом в понимании детской природы человека является его отношение к детям. В Григории Мелехове эта грань его личности выявлена во всей её полноте. Сколько сердечной заботы о маленькой Танюшке, тревоги о ней и любви к ней в коротких посланиях к Аксинье: *«В каждом письме он справлялся о дочери, просил писать о ней: ...пиши, как моя Танюшка растёт и какая она собой стала? Недавно видел её во сне большой и в красном платье»* (I, 334). Именно рождение детей изменило его отношение к дому, к семье, жене Наталье, наполнило его душу нежностью, сильными и глубокими переживаниями отца.

Позднее, когда его любовь к Аксинье вспыхнула с новой силой, Григорий видит сон, в котором жизнь с дорогим человеком рисуется в таких образах: «...он ходил с Аксиньей по высоким шуршащим хлебам. Аксинья на руках бережно несла ребёнка...» (III, 128). Сон – отражение его тоски по мирной жизни, семье, любимой, и, конечно, детям. Думы о них не оставляют его во всех «блуканиях» и жизненных передрыгах. Его сердце заполнялось всё нарастающей тоской по детям. Многие о душевных движениях героя говорят эпизоды его общений с Полюшкой и Мишаткой. Мелехов, который, по замечанию Шолохова, «никогда ведь не был особенно чувствительным и плакал редко» (IV, 52), теперь не может сдержать слёз при встречах и расставаниях с детьми: «Глаза Григория застилала туманная дымка слёз, под усами дрожали губы...» (IV, 52). Это описание сближает его с изображением состояния сына, готового вот-вот разрыдаться при прощании с отцом: «У Мишатки дрожали губы...» Как и отец, он не может совладать с собой, несмотря на то что помнил наказ деда – «казакам плакать – великий стыд», и плачет: «градом покатились из его глаз слёзы» (IV, 59). Отец и сын, взрослый и ребёнок уравниваются Шолоховым в своих чувствах любви и привязанности друг к другу [см: Дворяшина 2017: 34].

Осознание того, что дети – самое дорогое, что есть в этом мире, переживает Григорий Мелехов. Вернувшись домой после всех жизненных мучений, он мечтает об одном: «пожить с детьми, с Аксиньей» (IV, 285), «пожить возле своих детишек» (IV, 297). И этот мотив становится доминантным в переживаниях шолоховского героя, достигая своего апогея в финале: «его неудержимо тянуло домой – к детям, к Аксинье» (IV, 326). После гибели Аксиньи автор скажет о нем: «Он лишился всего ... Остались только дети» (IV, 393). «Тоска по детям» (IV, 396) вытеснит все остальные чувства. Дети жили в его снах, мыслями о них заполнялось все его сознание, устремляясь к одному желанию: «походить... по родным местам, покрасоваться на детишек» (IV, 396). Сын – последняя ниточка, удерживающая героя на земле.

Повествование Шолохова о детях приобретает особую теплоту и сердечность, что проявляется в богатстве образных оценок и характеристик маленьких героев. Почти всегда они называются любовно: «дитенок», «деточки», «родименький мой», «родной», «милушка», «зернышко мое», «Мишатка», «Полюшка», «Танюшка», «Дуняша» и т.д. При этом нельзя не услышать в самой тональности повествования проявления не только эмоций героев, но и чувств их создателя.

«Зернышко мое, дочурка! – приглушенно звенела мать. – Цветочек мой, не уходи, Танюшка! Глянь, моя красотишка, открой глазки! Опомнись же! Гулюшка моя черноглазая... Умерла она на руках матери. Последний раз, всхлипывая, зевнул посиневший ротик, и тельце вытянула судорога; запрокидываясь, катилась с Аксиньиной руки потная головка, прижмуренный, с мертвым зрачком, смотрел удивленно угрюмоватый мелеховский глазок» (I, 393), так, в описании Аксиньи, заходящееся в плаче над умирающей дочкой, материнская боль сливается с болью автора, и в словах героини звучит его голос, переходящий постепенно в лирическое отступление, проникнутое неприкрытым сочувствием к горю женскому.

Стала Аксинья острее ощущать свое одиночество. Терзала ее невыплаканная тоска. Первые дни после смерти дочери она не могла даже плакать и оттого каменная горечь давила вдвойне. Даже во сне настигал ее призрачный зов ребенка. Ей казалось, что дочь спит рядом с ней, и она отодвигалась, шарила по постели рукой; иногда мерещился невнятный шепот: *«Мама, пить»*. *«Кровиночка моя... – шептала Аксинья холодеющими губами»* (II, 366).

Ранняя смерть уносит детей Аксиньи словно в наказание за небрежение к материнскому долгу. Дети у Шолохова составляют насущный признак мира и благополучия. Отсутствие детей в мире «Тихого Дона» считалось «господним наказанием», величайшим несчастьем, хотя прямо об этом вроде бы не говорится. В этом случае бездетность жестоко мстит Аксинье за отсутствие укоренения в семью.

Но материнское, доброе, нежное, обогатившее характер героини, прошедшей сквозь лавину жизненных бурь и страстей, с особой, новой силой проявляется позднее в отношении ее к детям Григория. Именно она после смерти Натальи, считая себя косвенной причиной ее смерти, наперекор категоричному запрету Ильиничны всё же сумела «натоптать стезжку» к сердечкам осиротевших Григорьевых детишек.

Аксинья, заведя где-нибудь Мишатку, *«... пугливо оглядывалась и, если никого не было поблизости, – подбежала к нему, наклонившись прижимала его к груди и, целуя загорелый лобик и угрюмоватые черные, мелеховские, глазенки, смеясь и плача, бессвязно шептала: «Родный мой Григорьевич! Хороший мой! Вот как я по тебе соскучилась!»* (V, 199).

Сейчас мы видим героиню с *«трепетной улыбкой»*, а увлажненные глаза ее сияют *«счастьем, как у молоденькой девушки»* (V, 199). Она кормит Мишатку блинцами, дает ему кусок сахара, штопает одежду и пришивает пуговичку к рубашонке, пытается всячески снискать его расположение подарками и рассказыванием сказок. И Мишатка отвечает ей взаимностью: вопреки недовольству бабушки он частенько бывает в курене соседки.

После смерти Ильиничны с согласия Дуняшки Аксинья увела ребятшек к себе. Она накормила их – молчаливых и напуганных очередной смертью, – уложила спать с собой. *«Странное чувство испытывала она, обнимая прижавшихся к ней с обеих сторон притихших детишек родного ей человека»* (V, 309). Аксинья стала рассказывать им сказки, слышанные еще в детстве, чтобы хоть как-то увести от мыслей о мертвой бабушке.

С полной уверенностью мы можем говорить, что в этот период жизни героини она глубоко симпатична автору. Удивительно тепло описывает Шолохов волну нахлынувших материнских чувств: Аксинья *«... услышала ровное, мерное дыхание детишек. Мишатка лежал с краю, плотно прижавшись лицом к ее плечу. Аксинья движением плеча осторожно поправила его запрокинувшуюся голову и вдруг ощутила на сердце такую безжалостную, режущую тоску, что горло ее перехватила спазма. Она*

заплакала тяжело и горько, вздрагивая от сотрясавших ее рыданий, но она не могла даже вытереть слёз: на руках ее спали дети Григория, а ей не хотелось их будить» (V, 309).

В этих строках Аксинья засияла перед нами новой, возвышенной красотой души, материнским теплом и трогательной нежностью. Глубина и сила этого женского материнского чувства была так велика, что вызвала ответную любовь и доверие со стороны осиротевших детей. Мишатка и Полюшка стали звать Аксинью «мамкой». Это святое слово – «мама», произнесенное детскими устами, возвышает и облагораживает Аксинью.

Трогательной нежностью, ласковым, бережным отношением к своим детям проникается со временем Григорий Мелехов. В передаче этих чувств у Шолохова играют обонятельные ощущения героя. Так, измотанный боями, всей походной жизнью, заехав на день в Татарское повидаться с близкими, Григорий берет на руки проснувшихся детей. Раскрывая переживаемое им, писатель введет лирическое отступление: *«Как пахнут волосы у этих детишек! Солнцем, травой, теплой подушкой и еще чем-то бесконечно родным. И сами они – эта плоть от плоти его – как крохотные степные птицы» (IV, 51).*

Восприятие запахов шолоховского героя богаты разнообразными оттенками: здесь запахи дорогих ему явлений и примет природного мира, домашнего тепла и всего того, что автор считает «бесконечно родным». Это родное идет от семьи, отчего дома, отцовских чувств Григория, осознания им того, что дети – «плоть от плоти его». Запахи детей как отражения света, мира, желанного покоя, контрастируя с запахами героя, усиливают в нем понимание чуждости той жизни, в которой он оказался, осознание ее ненужности, бессмысленности происходящего для всех.

В произведениях русских классиков дитя не дает восторжествовать злу, преображает людское обличье, открывает то лучшее, что есть в людях. Шолохов не отошел от этой традиции. Особенно ярко такое воздействие дитяти, хотя бы частично прерывающего цепочку зла, взаимной ненависти,

проявляется в страшной, потрясающей своей безграничной жестокостью сцене расправы над коммунистами Сердобского полка. Избиваемых казаками, бабами, подростками большевиков видит «мальчишка лет семи». Шолохов пишет, «вцепился в подол матери и со слезами, градом сыпнувшими по исказившимся щекам, с визгом, истошно закричал: – Маманя! Не бей его! Ой, не бей!.. Мне жалко! Боюсь! На нем кровь!» (III, 286). И этот протестующий против разрушительной ненависти истошный детский крик остановил готовую к расправе женщину: «Баба, замахнувшаяся колом на одного из еланцев, вдруг вскрикнула, бросила кол, – ухватив мальчонка на руки, опрометью кинулась в переулок» (III, 286). Не случайно здесь авторское уточнение в описании ее поведения: «вдруг вскрикнула». Оно отражает ту оценку аномальности, дикости и ее собственных действий, и всего происходящего, которые осознаются таковыми благодаря дитяти, его вмешательству [Дворяшина 2016: 16].

Дитя у Шолохова предстало не только неким нравственным идеалом, но и высшим судом в оценке героями своих жизненных поступков. Дети для героев «Тихого Дона» – то, без чего нет будущего. В общении с ребенком в изображении писателя нет ничего злого, унижающего его достоинство. Здесь доминирует любовь, жалость, страстное желание защитить детишек, уберечь их от мук и страданий. Особую проникновенность обрели у Шолохова материнские и отцовские чувства. Дети для шолоховских героев – самый главный источник счастья, показатель жизненной самостоятельности и полноценности.

ГЛАВА III. СЕМЬЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВЕКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

В данной главе мы рассмотрим основные черты изучения эпических произведений на уроках в школе, обратим внимание на изучение семьи в русской литературе XIX века и в романе-эпопее «Тихий Дон». Эпические произведения составляют значительную часть школьной программы от V до XI класса. Эпос представлен в школе разнообразными жанрами: басня, рассказ, повесть, роман, эпопея. Но жанровые различия не должны снимать при изучении того общего, что составляет существо эпического рода литературы – способности охватить жизнь в её объективной полноте. В современной теории литературы об этом говорится так: «эпос изображает событие, изображающее как отдельное проявление многостороннего, целого бытия» [Рез 1977: 217]. Эта особенность эпических произведений сказывается на целях, путях и способах работы над ними в школе. В каком бы классе они ни анализировались и к какому бы жанру ни принадлежали, внимание учащихся неизбежно будет концентрироваться на тех компонентах художественного текста, которые существенны для эпического рода литературы. В школьных условиях ими обычно оказываются:

1) тема, проблематика, сюжет (рассматривая их, ученики осмысливают отраженные в произведении жизненные события);

2) образы героев (знакомясь с ними, учащиеся постигают разнообразие человеческих характеров и типов);

3) образ автора, индивидуальность авторского видения, которая сказывается в композиции произведения, его стиле, характере отбора материала и т.д.

Система анализа эпических произведений в старших классах строится на использовании многообразия методов и приемов анализа. В работе со старшеклассниками особое внимание следует уделить выбору глав, эпизодов, описаний и обобщениям после наблюдений над отдельными частями текста, особенно в условиях обзорного изучения.

В работе десятиклассников над эпическими произведениями расширяется представление о взаимосвязи мировоззрения и творчества писателя, об индивидуальном стиле писателя.

3.1. «Мысль семейная» в произведениях писателей XIX века

Тема дома и семьи – одна из сквозных тем как в мировой литературе вообще, так и в русской в частности. На уроках литературы «мысль семейная» широко прослеживается в литературе XIX века. Этот читательский опыт будет востребован и при изучении шолоховских романов. Для выпускников особенно важно системно представлять контексты тем, образов, стилей, что пригодится как при подготовке к сочинению, так в процессе сдачи ЕГЭ по русскому языку и литературе.

В 9 классе изучается роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», в произведении смысловым центром является «идеологема» семьи, постоянно функционирует архетип семьи, создавая сюжетный контекст и развивая особую группу конфликта, обусловленного новым направлением в семье и семейных отношений. «Здесь представлено два поколения семьи: старшее, призванное создавать «родное пепелище», дающее возможность осознать «самостоянье» человека, и молодежь, окрыленная новыми идеями и убеждениями» [Проскурина 2004: 16].

На уроках с учащимися пойдет речь о семье Лариных, где между мужем и женой царило согласие и взаимопонимание, хотя супруга распоряжалась хозяйством, «мужа не спросясь». Эта патриархальная помещная семья, где исправно «хранили в жизни мирной привычки милой старины», а дочери воспитывались на причудливом сочетании чтения французских романов и наивной веры в «преданья простонародной старины... сны, карточные гаданья и предсказания луны», вызывает и у читателей, и у автора добрую, слегка снисходительную улыбку. А.С. Пушкин отмечает, что, когда помещик Дмитрий Ларин отошёл в мир вечного покоя, он был искренне оплакан

«детьми и верною женой чистосердечней, чем иной». Может быть, такой семьи не доставало Евгению Онегину, не знавшему истинной родительской любви и ласки: ведь его отец был поглощён жизнью высшего света, «долгами жил... давал три бала ежегодно и промотался наконец», о матери героя автор романа вообще не упоминает, с ранних лет Евгений был отдан под опеку «мадам», которую затем «месье... сменил». Возможно, отсутствие настоящей семьи в детстве и юности впоследствии не позволило Онегину ответить взаимностью на чувство деревенской «смирной девочки» Татьяны. Он, хоть и «живо тронут был», «получив посланье Тани», искренне уверен в том, что ему и Татьяне «супружество... будет мукой», потому что сам долго любить не способен: «привыкнув, разлюблю тотчас». Может быть, именно поэтому создатель произведения наказывает своего «доброего приятеля» одиночеством и душевным страданием в конце романа.

Русская литература второй половины XIX века тоже представлена на уроках литературы произведениями, которые смело можно назвать «семейными». Вспомним «Грозу» А.Н. Островского (10 класс): её главные герои – члены семьи купчихи Кабановой, которая жёстко и властно управляет сыном, невесткой и дочерью. Героиня, фанатично соблюдающая «старые порядки», по верному замечанию Кулигина, настоящая «ханжа»: «нищих оделяет, а домашних своих заела совсем». В страхе держит своё семейство и «ругатель, каких поискать», «пронзительный мужик» Савёл Прокофьич Дикой, а его запуганная жена с самого утра умоляет домочадцев: «Голубчики, не рассердите». Именно против такого семейного уклада, где всё держится на слепом повиновении и страхе одних перед другими, выступает Катерина, решившаяся на самоубийство, потому что для неё невозможна жизнь в доме деспотичной свекрови и безвольного, нелюбимого мужа.

На уроках в 10 классе «мысль семейная» прослеживается в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», где мы встречаемся сразу с несколькими семействами: из первой главы узнаём об отце и матери братьев Кирсановых – боевом генерале и его верной подруге, проживших в любви и согласии много

лет; с нежностью повествует автор о семейном гнёздышке Николая Петровича и его жены Маши, где царили всегда доброта, взаимопонимание, уют. Да и в Фенечке, женщине простой, бесхитростной, искренне привязанной к марьянскому помещику, подарившей ему сына Митю, умеющей обустроить быт в имении и варить варенье из «кружовника», Николай Петрович словно увидел продолжение милой, рано ушедшей из жизни Маши, память о которой никогда не покинет его сердца. Аркадий повторит путь отца: молодой человек тоже ищет тихого семейного счастья, он готов заниматься делами имения, забыв о юношеском увлечении нигилизмом («...сделался рьяным хозяином, и «ферма» уже приносит довольно значительный доход»), у него рождается сын, названный в честь деда Николаем. А какое восхищение вызывают «старики Базаровы», души не чающие в ненаглядном «Еньюшеньке» и с заботливым вниманием относящиеся друг к другу. Да и сам Базаров, под маской снисходительной усмешки прячущий свою любовь к родителям, перед смертью просит Одинцову позаботиться об отце и матери: «Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днём с огнём не сыскать...».

В романе-эпопее «Война и мир» (10 класс) одной из ведущих, по определению самого Л.Н. Толстого наряду с «мыслью народной», является «мысль семейная». Писатель утверждал, что «люди как реки»: каждый имеет свой исток, своё русло. С истока – с колыбельной матери, с тепла родного очага, с заботы родных – начинается человеческая жизнь. И в какое русло она войдёт, во многом зависит от семьи, семейного уклада и традиций. В центре произведения два семейства – Ростовых и Болконских. Главные качества членов семьи Ростовых – абсолютная искренность, доверчивость, естественные движения души. Не случайно и мать, и дочь носят одно имя – этим подчёркивается их близость. А об отце, графе Илье Андреевиче, Толстой скажет: «Он – сама распущенная доброта». Чуткая, отзывчивая, восторженная и ранимая Наташа, наделённая счастливым даром «читать тайное» людей и природы; очаровательный в своей наивности и душевной щедрости Петя; открытый, прямодушный Николай – все они унаследовали от родителей

способность к сочувствию, сопереживанию, соучастию. Ростовы – настоящая семья, в которой царят мир, согласие, любовь.

Незаурядностью привлекают к себе Болконские. Отец, Николай Андреевич, «с блеском умных и молодых глаз», «внушающий чувство почтительности и даже страха», энергичен и деятелен. Он почитал только две людские добродетели – «деятельность и ум» и постоянно чем-нибудь был занят, в том числе воспитанием и обучением детей, не доверяя и не поручая последнего никому. У сына, Андрея, отец вызывает восхищение своим острым аналитическим умом и обширными, глубокими знаниями. Он сам – так же, как и его сестра Марья, – наделён гордостью и чувством собственного достоинства. Марья и Андрей отлично понимают друг друга, во многом обнаруживают единство взглядов, их связывает не только кровное родство, но и настоящая дружба. Впоследствии по-отцовски требовательной будет княжна Марья к своим детям, в Николенке станет видеть продолжение любимого брата, а старшего сына назовёт Андрюшей.

«Душевные сокровища» открывает писатель в любимых своих героях. Не зря Пьер, размышляя о том, что одобрил бы Платон Каратаев, ставший для Безухова идеалом доброты и совестливости, говорит Наташе: «Одобрил бы нашу семейную жизнь. Он так желал видеть во всём благообразие, счастье, спокойствие, и я с гордостью показал бы ему нас».

Тема семьи – одна из ведущих тем отечественной литературы. Русские писатели всегда рассматривали семью как основу общества и основу личности, формирующей характер, мировоззрение, жизнь и судьбу страны. Сам подход к этой вечной теме у писателей разный, но все они были едины в главном – в семье происходит утверждение нравственных устоев, общечеловеческих ценностей, переходящих из поколения в поколение.

3.2. Тема дома и семьи в системе уроков по изучению романа

М.А. Шолохова

Современные школьные программы по литературе дают учителю возможность выбрать для изучения один из романов М.А. Шолохова. Однако все более прочно в круг изучаемых произведений входит «Тихий Дон». Выбор этот определяется следующими причинами: во-первых, в этом произведении наиболее полно реализуются принципы реализма, который в период начала работы писателя над романом существует в диалоге с модернизмом и который в 30-е годы одновременно с разговором модернистских течений будет вытесняться из литературы нормативной эстетикой; во-вторых, Шолохов в своем романе разрабатывает трагическую концепцию человека, чрезвычайно характерную для литературы 20-х годов и во многом уступившую место в 30-е годы концепции героической. «В «Тихом Доне» с необычайной силой проявилось психологическое и изобразительное мастерство его автора и, безусловно, языковое новаторство Шолохова, соединившего литературный язык со стихией народной, в том числе диалектной, речи. Читателя привлекают в нем не столько фактические подробности, сколько яркие характеры, бурные страсти, высокий трагический накал. Именно концептуальное и художественное своеобразие романа и станет предметом разговора на уроках» [Нянковский 2001: 85].

Организация процесса обучения литературе в основной школе осуществляется с опорой на следующие программы и соответствующие им учебные пособия:

1. Программа «Литература. 5–11 классы» под редакцией В.Я. Коровиной.

2. Программа для общеобразовательных учреждений. Литература. 10-11 класс под редакцией Г.И. Беленького

По программе В.Я. Коровиной роман-эпопея «Тихий Дон» М.А. Шолохова изучается во втором полугодии, а в учебной программе

Г.И. Беленького в первом полугодии. У В.Я. Коровиной дается на рассмотрение романа 12 часов:

1. «Тихий Дон» – роман-эпопея о всенародной трагедии.
2. История создания шолоховского эпоса. Широта эпического повествования.
3. Герои эпопеи. Система образов романа.
4. Тема семейная в романе. Семья Мелеховых. Жизненный уклад, быт, система нравственных ценностей казачества.
5. Трагедия целого народа и судьба одного человека.
6. Проблема гуманизма в эпопее.
7. Женские судьбы в романе.
8. Функция пейзажа в произведении.
9. Шолохов как мастер психологического портрета.
10. Утверждение высоких нравственных ценностей в романе.
11. Художественное своеобразие шолоховского романа. Художественное время и художественное пространство в романе.
12. Шолоховские традиции в русской литературе XX века.

В программе Г.И. Беленького на изучение «Тихого Дона» отводится 5 часов:

1. «Тихий Дон» – роман-эпопея.
2. Изображение гражданской войны как трагедии народа.
3. Судьба Григория Мелехова, его правдоискательство.
4. Психологическая глубина романа.
5. Яркость, многоцветность языка, роль диалектизмов.

В.Я. Коровина уделяет больше времени на изучение истории создания романа, анализа семьи Мелеховых и системы образов, прослеживается жизненный уклад, быт, система нравственных ценностей казачества. Г.И. Беленький в своей программе делает акцент на изучении гражданской войны и анализе судьбы Григория Мелехова.

В УМК В.Я. Коровиной входит: программы Коровиной В.Я., Журавлева В. П., Коровина В.И. и др. (программы общеобразовательных учреждений. 5–11 классы (базовый уровень); 10–11 классы (профильный уровень) / под ред. В. Я. Коровиной; учебник в двух частях; проверочные работы Беляева Н.В. 10–11 классы; поурочные разработки Беляева Н.В., Иллюминарская А.Е. Литература. 10 – 11 класс, а программа Г.И. Беленького оснащена следующим образом: учебник в трех частях Г.И.Беленького, Ю.И.Лысского, Л.Б. Воронина. Литература 11 класс; программа по литературе для 5 – 11 классов Г.И. Беленького, Э.А. Красновского, Ю.И. Лысского; методическое пособие для учителя.

Если обратиться к методической литературе, то можно обнаружить много иных вариантов планирования, в зависимости от профиля и особенностей класса выделяют от пяти до восьми учебных часов. В классах гуманитарного профиля, где общее количество часов на изучение литературы XX века значительно больше, посвящают роману до двенадцати часов. М.А. Нянковский, составитель второго пособия «Шолохов в школе», 2001 г. (первое подготовили В.В. Гура и Т.Ф. Курдюмова «Шолохов в школе» в 1986 г.). Приведём вслед за составителем пособия некоторые из возможных вариантов распределения материала по урокам.

Система обзорных уроков (5 часов) представлена в работе *И.И. Черновой «Тихий Дон» М.А. Шолохова в выпускном классе* [см: Нянковский 2001: 86]:

1-й урок. Слово о Шолохове. Замысел и история создания романа «Тихий Дон». (Вступительная лекция учителя – первый урок.)

2-й урок. Картины жизни донских казаков на страницах романа. (Работа над отдельными эпизодами первой части романа, определение её места в общем замысле «Тихого Дона», в его композиционном плане.)

3-й урок. «Чудовищная нелепица войны» в изображении Шолохова. (Беседа о прочитанном, комментарий к отдельным сценам третьей – пятой частей романа, обобщение учителя).

4-й урок. «В мире, расколотом надвое». Гражданская война на Дону в изображении Шолохова. (Слово учителя, сопоставительный анализ отдельных эпизодов шестой – седьмой частей романа).

5-й урок. Судьба Григория Мелехова. (Урок-семинар).

Данная система уроков нам представляется неудачной, т.к. мысль семейная не прослеживается на уроках, с детьми предполагается разговор о гражданской войне, о жизни казаков.

М.Г. Павловец в методическом пособии по русской литературе XX века предлагает свой вариант планирования темы, отводя на её изучение 7 часов:

1-й урок. Биография М.А. Шолохова. История создания романа «Тихий Дон» (1 ч.).

2 – 3-й уроки. Природное и историческое время в романе. Смысл эпиграфов и названия романа. Роль пейзажа. Психологический параллелизм (2 ч.).

4 – 5-й уроки. Судьба и характер Григория Мелехова. Любовные линии романа (2 ч.).

6-й урок. Изображение войны в романе. Позиция автора (1 ч.).

7-й урок. Роман-эпопея. Признаки жанра. Художественные особенности «Тихого Дона» как романа-эпопеи. «Тихий Дон» и «Война и мир»: своеобразие романа М.А. Шолохова (1ч.).

И здесь мы обнаруживаем, что акцент будет сделан на истории создания романа и анализе судьбы Григория Мелехова где, возможно, и будет затронута та тема семьи, но этого явно недостаточно для понимания шолоховской концепции бытия, системы родовых ценностей, также речь пойдет о роли природы и войны в произведении.

Двенадцатичасовое планирование темы разработано *Н. Радченко*:

1-й урок. История создания романа «Тихий Дон» и споры вокруг вопроса об авторстве.

2-й урок. «Тихий Дон» - роман-эпопея.

3-й урок. Тема истории донского казачества, его быта, традиций.

4-й урок. Дом, семья Мелеховых.

5-й урок. Трагическая любовь главных героев романа.

6-й урок. Григорий Мелехов в событиях войны 1914 года и связанная с ним линия фронтового казачества.

7-й и 8-й уроки. Революция и казачество.

9-й урок. Верхнедонское восстание казаков.

10-й урок. Участие Григория Мелехова в Верхнедонском восстании.

11-й урок. Мелехов в банде Якова Фомина. Сложное и противоречивое отношение автора к крестьянскому бандитизму.

12-й урок. Судьба Григория Мелехова – отражение трагизма человеческой судьбы в переломную эпоху.

Данная система уроков разработана для профильных классов, здесь предполагается в течение (2, 3, 4, 5, 12) уроков обращение к теме семьи и даже отдельный урок отведен теме дома, но в силу ограниченности времени для абсолютного большинства школ такая работа невозможна.

Н.А. Бодрова в методическом пособии предлагает посвятить работе над романом семь уроков, так обозначив их тематику [см: Бодрова 1997: 24]:

1-й урок. Творческая история романа «Тихий Дон». Споры вокруг романа.

2 – 3-й уроки. Трагедия Григория Мелехова.

4 – 5-й уроки. Быт и бытие героев «Тихого Дона». Идея домашнего очага как общечеловеческой ценности. Семья Мелеховых. Пантелей Прокофьевич. Женские образы в романе.

6-й урок. Тема противостояния. «Белые» и «красные» в романе.

7-й урок. Природа и труд в философской концепции романа.

Данную систему уроков можно считать удачной, т.к. здесь прослеживается быт и дух казачьей семьи, анализ семьи Мелеховых и образ материнства и детства в романе.

Основным принципом, на котором строится предлагаемая система уроков по роману «Тихий Дон», является постепенное повышение

самостоятельности в работе учащихся над текстом. Домашние задания предлагают закрепление представлений о художественных особенностях шолоховской прозы, полученных в процессе коллективного анализа отдельных эпизодов, и их отработку на ином текстовом материале. Чтобы одиннадцатиклассники ясно представляли себе перспективу самостоятельной работы, целесообразно уже к первому занятию предложить им систему домашних заданий по всей теме.

С точки зрения О.Ю. Богдановой, работа над большим по объему эпическим произведением требует внимания к самому процессу организации повторного чтения в ходе анализа. Большую помощь в этом отношении могут оказать карточки с заданиями по тексту, предлагаемые в самом начале работы над романом-эпосом – для общих, групповых и индивидуальных заданий [см: Богданова 1995: 14].

Современное школьное изучение творчества М.А. Шолохова, опираясь на технологии развивающего обучения, расширяется за счет использования лингвостилистического анализа. В этом проявляется тенденция к интегрированию предметов школьного обучения, а также к отстранению от идеологизированных оценок произведения.

Исследователи утверждают, что «уроки лингвостилистического анализа выходят за рамки литературоведческого подхода... Это уроки не литературы, а словесности – предмета, объединяющего литературу и язык в исследовании содержания через форму» [Дворяшин 2003: 136]. Лингвостилистический анализ требует подхода к тексту как к целостной структуре и рассмотрения каждого элемента как необходимой части. Поскольку реализация этого принципа во всей его полноте в школе невозможна из-за недостатка времени, на практике осуществляется проблемный обзор произведения, а лингвостилистическому анализу подвергаются отдельные фрагменты текста.

Итак, тема семьи может звучать на большинстве уроков по изучению романа-эпопеи «Тихий Дон». Учитель при этом систематически из урока в урок будет проводить идею трагизма эпохи войн и революций, гибельности

разобщения, утраты родства, разрушения дома. «Мысль семейная» может изучаться и на отдельном занятии, что позволит акцентировать её значимость в художественном произведении, включить в контекст русской классики. Нам представляется более удачным проведение отдельного урока, посвященного «мысли семейной».

Подбирая материал для такого урока нельзя не заметить, что он группируется вокруг двух центров: мелеховский двор и война, разрушившая семью. Через семью Шолохов увидел катастрофические потрясения века. Обсуждая с детьми начало произведения, стоит показать, как автор поставил «мелеховский двор» в центр художественного мира, как любовно описал состав казачьего рода. Обращение к финалу романа-эпопеи наглядно покажет, что стало с большой семьёй за несколько лет войны: уцелели лишь Дуняшка, Григорий и его сын. Да и Григорий возвращается в родной хутор до амнистии, на верную смерть.

Как трагическое, переломное время воздействовало на семью, обусловив крушение веками сложившихся устоев, особенно очевидно на примере образа Пантелея Прокофьевича. В начале произведения он полновластный в своем доме. Ещё с молоком матери впитал он в себя патриархальные устои и стоит на страже их, не гнушается он поднять руку на домашних, чтобы охладить их пыл. А в третьей книге фигура Мелехова-старшего обретает глубоко трагические черты: он беспомощен перед губительно несущейся жизнью, не может ни уберечь близких, ни сохранить от разрухи дом: *«За один год смерть сразила столько родных и знакомых, что при одной мысли о них на душе его становилось тяжело и весь мир тускнел и словно одевался какой-то черной пеленой» (VII, 589).*

Если Пантелей Прокофьевич – прежде всего хозяин, то хранительницами очага в романе-эпопее «Тихий Дон» выступают женщины. Чтобы донести до сознания школьников всю глубину произведения, на уроке литературы учителю следует показать, что рукой гениального мастера раскрыта в «Тихом Доне» драма материнских сердец. Характеры женщин-

казачек раскрыты писателем в великом чувстве любви: любви к мужчине, любви к детям. Со страниц романа встает образ прекрасной русской женщины, чистой и сильной в своих порывах и переживаниях. Автор рисует героинь в естественной среде: в семье, в домашней обстановке. Материнство в эстетическом чувстве Шолохова всегда связано с проявлением самого доброго и прекрасного в человеке.

Глубина и сила авторского понимания семьи, домашнего очага тем ярче, что он в продолжение всей эпопеи освещает свой идеал мирной жизни не только через крупные женские характеры, но и с помощью эпизодических образов женщин-матерей. При анализе образа Ильиничны учителю следует обратить внимание на нравственную силу и великую жизненную стойкость в характере героини. В первых главах образ Ильиничны как бы сопутствовал образам Пантелея Прокофьевича и Григория. Казалось, что писателя больше привлекали характеры и внешне броские и яркие. Так, описывая горе в семье Мелеховых, Шолохов рассказывает о Пантелее Прокофьевиче, а не об Ильиничне. Словно бы силу горя резче, драматичнее было раскрыть в переживаниях мужчины, сломленного несчастьем. Переживания, чувства Ильиничны упоминались бегло, образ ее как бы отодвигался на второй план. Вместе с детьми стоит разобрать и последние главы произведения, для того чтобы увидеть, как образ Ильиничны выдвигается на первый план, где с наибольшей полнотой раскрывается прекрасный и мужественный облик матери. Только о Григории думает Ильинична. Им живет она свои последние дни *«...сердце у меня болит об Грише... Так болит, что ничего мне не мило и глазам глядеть на свет больно»* (V, 293). С беспокойством и великой тревогой ждет мать своего «младшенького». С какой-то исступленной силой говорит она Аксинье: *«Не может быть, что-бы лишилась я последнего сына» Не за что богу меня наказывать... Живой Гриша! Сердце мое мне вещует – значит, живой он, мой родимый!»* (V, 292). Подводя итог к анализу, педагог приведет обучающихся к мысли о том, что М.А. Шолохов изобразил Ильиничну мудрой, гордой, мужественной женщиной, которая своим материнским

чувством чрезвычайно точно определяла подлинную правду жизни, ее суть. В образе Ильиничны Шолохов создал замечательный символ матери, сосредоточивший в себе лучшие черты нравственного обаяния русской женщины, женщины-матери.

При анализе образа Натальи нельзя не отметить, что жизнь Натальи, так же как Аксиньи, трагична и изуродована. Наталья – женщина большой нравственной чистоты и глубокого, скрытого чувства. Она нежно полюбила Григория, еще невестой разглядывала его *«влюбленными глазами»*, с нетерпением высчитывала дни, оставшиеся до свадьбы. Бесконечно верная Григорию и бескорыстная в любви к нему, Наталья своей нравственной чистотой, большим человеческим обаянием привлекает к себе всю семью Мелеховых. Всем щедрым сердцем заботится она о людях, сама же одиноко переживает несчастье нелюбимой жены.

Не познав радости в любви, Наталья нашла счастье в материнстве. После рождения Мишатки и Полюшки *«расцвела и похорошела она диковинно»*. *«Всю жизнь вбивала в детей»*, – говорит о ней писатель, – *«всё время, свободное от работы по домашности, тратила на них: мыла, стирала, вязала, штопала...»* (Ш, 57). Грудью кормила малышкой до года: *«... часто, примостившись боком к кровати, свесив ногу, брала из люльки двойнят и, движением плеч высвобождая из просторной рубахи туго налитые, большие бело-желтые, как дыни, груди, кормила сразу двоих»* (Ш, 57). Нужно обратить внимание детей на то, что при внешней скромности и даже застенчивости, Наталья отличалась характером самостоятельным, сильным и довольно скрытым. Только в самом начале нелегкой супружеской жизни выносила она свои потаенные обиды на семейный совет. Потом всё решала сама: и возвращение в семью Мелеховых, и объяснения с Аксиньей, и многое другое. Наталья решилась на глубоко противоречащий ее природе поступок – *«вытравить ребенка»*, которого ждала от Григория. Ильиничне она объясняет: *«Буду я с Григорием жить или нет, пока неизвестно, но родить от него больше не хочу. Ишо с этими не видно, куда придется деваться...»*

(V, 148). Наталья проходит перед читателями «Тихого Дона» как героиня, до конца верная своему материнскому призванию. С Ильиничной ее объединяет мудрое спокойствие хранительниц домашнего очага, продолжательниц рода. Чувство материнской любви заставляет обеих женщин осуждать насилие и жестокость. Становится очевидно: о бессмертии народа, о детях больше всего думали, тревожились именно такие казачки. И их ноша, пожалуй, была тяжелей всего.

Детям и детству в художественном мире романа может быть посвящено несколько творческих или исследовательских работ, например: о чем говорит «бездетность» героев «Тихого Дона»; что дорого автору в детях; как относятся к детям в семье Мелеховых? и т.п.

Семья – основа основ народного бытия в мире «Тихого Дона». Естественно, что семейные отношения рассмотрены в романе во всеобъемлющей полноте. Жизненные обстоятельства казацко-крестьянской среды изображены с такой основательностью, что позволяют воссоздать общее строение семьи в России начала нынешнего века, как раз накануне социальных потрясений и перемен.

Итак, в предлагаемой нами модели урока рассмотрение темы дома и семьи связано с углублением понимания трагизма эпохи войн и революций и с освещением авторского понимания вечных человеческих ценностей. На уроке речь идет о семье Мелеховых, образе Пантелея Прокофьевича, женских персонажах и детях. Важно также поставить роман-эпопею «Тихий Дон» в ряд классических произведений русской литературы раскрывающих тему семьи: «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Война и мир» Л.Н. Толстого. Уникальность шолоховского подхода к теме семьи состоит в изображении теплоты человеческих отношений в простой казачьей среде, в воссоздании хрупкости и уязвимости семейных связей в эпоху социальных катаклизмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами исследования по анализу мотива родства в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» можно сделать следующие выводы.

Мотив родства пронизывает всю повествовательную ткань «Тихого Дона», он организует одну из главных сюжетных линий, проявляется в системе образов, в способах создания образов героев, выражает авторское понимание родовых и семейных ценностей.

Мотив родства является идейно-тематической доминантой казачьего мироздания. Именно благодаря основам семьи и был построен мир, долгое время несокрушимый, мир народной жизни, основанный на патриархальных, родовых началах. Все приемы бытописания: повествование о труде, вере, буднях и праздниках, обрядах и обычаях, о распределении обязанностей в семье, описание одежды и еды, рассказ об отношении к детям, обращение к устно-поэтической традиции формируют представление о гармонии природно-семейного бытия в мирных главах романа-эпопеи.

Родственные связи буквально пронизывают всю частную жизнь казаков. Каждая отдельная личность воспринимается как часть общего – рода. Центр патриархальной семьи – религия, вера, трудолюбие, дети, нравственность. Последствия жестокого вмешательства исторических событий в естественный ход жизни показаны писателем на истории постепенного разрушения семьи Мелеховых. Семейно Мелеховых Шолохов представил хранилищем нравственного опыта национальной культуры.

Сюжет разрушения дома Мелеховых нагляднее всего прослеживается через анализ судьбы Мелехова-старшего. Пантелей Прокофьевич предстает в романе прежде всего как отец, защитник рода. Неслучайно автор изобразил именно его реакцию на появление внуков: *«Ишо не зараз переведется мелеховская порода!»* (II, 56) – обрадовано, со слезами кричал он повитухе, принявшей двойню. В основе эволюции образа, в основе повествования о

судьбе персонажа лежит психологически достоверная реакция Мелехова на удары жестокого военного времени. Так М.А. Шолохов показал трагические переломы истории через семью и человека в ней.

Идея родственности в романе-эпопее «Тихий Дон» воплощается не только на уровне взаимодействия героев с семьёй, но и на уровне сословной родственности, сопричастности казаков к малой родине. Авторское чувство родины и чувство родины персонажей традиционно воплощается как в картинах природы, в поступках, высказываниях персонажей, так и в микропоэтике текста. Весьма показательно мотив родства воплощается в одористических деталях романа-эпопеи «Тихий Дон», позволяя воссоздавать чувство родины, чувство дома и чувство родственной близости героев друг к другу. В сознании героев «Тихого Дона» чётко различим запах Родины, казачьего куреня, который дорог и близок сердцу каждого казака, особенно вдали от дома.

Мотив родства является стержневым в женских образах романа-эпопеи. Авторская установка в оценке персонажей близка народному представлению о женском предназначении в круговороте жизни, каждая героиня проверяется её отношением к материнству. В образах Ильиничны и Натальи материнское начало – главное. Идеальные героини Шолохова полностью реализуют себя в отношениях к семье и детям. Материнство в эстетическом чувстве М.А. Шолохова всегда связано с проявлением самого доброго и прекрасного в человеке.

Еще одной областью воплощения мотива родства в произведении М.А. Шолохова являются образы детей. Дитя у Шолохова предстало не только неким нравственным идеалом, но и высшим судом в оценке героями своих жизненных поступков. Дети для героев «Тихого Дона» – то, без чего нет будущего. В общении с ребенком в изображении писателя нет ничего злого, унижающего его достоинство. Здесь доминирует любовь, жалость, страстное желание защитить детишек, уберечь их от мук и страданий. Особую проникновенность обрели у Шолохова материнские и отцовские чувства.

Дети для шолоховских героев – самый главный источник счастья, показатель жизненной самостоятельности и полноценности.

Учитывая важность темы семьи в романе-эпопее, мы определили особенности её изучения на уроках литературы в старших классах, сформировали модель урока, в котором находят отражение (в той или иной форме) наши наблюдения над поэтикой мотива родства в бытописании, сюжете, характерологии М.А. Шолохова. Раскрывая основные вопросы методики анализа романа, мы подчиняем их главному, с нашей точки зрения, аспекту – формированию у обучающихся потребности прочесть или перечитать произведение, понять его основные проблемы, историческое и общечеловеческое значение. На наш взгляд, только при этом условии литература может воздействовать на читателя, воспитывая и формируя «человека в человеке».

Итак, понятие рода – одно из древнейших в человеческом сознании. Ценность семьи и родственных связей не может быть перечеркнута и сегодня, в эпоху торжества индивидуалистического сознания, «освобождающего» личность от почитания предков и от ответственности перед потомками. Крушение института семьи, разрыв родственных нитей грозит разрушением широких социальных связей, подрывает основу жизни народа. Вечные ценности семьи, простодушной любви, материнства, дома, родного очага как символа устойчивости бытия не померкли: их значение именно сейчас может быть оценено всерьез. М.А. Шолохов 90 лет назад в романе-эпопее «Тихий Дон» через мотив родства художественно осмыслил традиционное значение семьи и проникновенно воссоздал трагедию утраты родственности, будто предупреждая о хрупкости естественных связей, которые человеку непременно нужно сохранить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеносов, В.В. Русская литература XX века. 11 кл. [Текст]: учебное пособие: в 2 т. – Т. 2 / В.В. Агеносов. – М.: Дрофа, 1997. – Т. 2. – 352 с.
2. Базанова, А.Е. Русская литература XIX и XX веков [Текст] / под ред. А.Е. Базанова, Н.В. Рыжова. – М.: Юристъ, 1997. – 344 с.
3. Беленький, Г.И. Программы для общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 класс. [Электронный ресурс] / Г.И. Беленького, Ю.И. Лысого, Л.Б. Воронина. – М.: Мнемозина, 2013. – Режим доступа: <http://lebyage.edusite.ru/p35aa1.html>
4. Бирюков, Ф.Г. Художественные открытия Михаила Шолохова [Текст] / Ф.Г. Бирюков. – М.: Современник, 1976. – 350 с.
5. Богданова, О.Ю. Методика преподавания литературы [Текст]: учебник для пед. вузов / под ред. О.Ю. Богдановой, В.Г. Маранцмана. – М.: Просвещение, ВЛАДОС, 1994. – 288 с.
6. Бодрова, Н.А. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в выпускном классе [Текст]: пособие учителям-словесникам, слушателям курсов повышения квалификации, студентам-филологам / Н.А. Бодрова. – Самара: 1997. – 73 с.
7. Бритиков А.М. Мастерство Михаила Шолохова [Текст] / А.М. Бритиков. – М.: Наука, 1964. – 240 с.
8. Васильев, В.В. Михаил Шолохов. Очерк жизни и творчества [Текст] / В.В. Васильев // Молодая гвардия. – М.: 1997. – № 7. – С. 240-260.
9. Гура, В.В. Как создавался «Тихий Дон» [Текст] / В.В. Гура. – М.: Советский писатель, 1980. – 440 с.
10. Гура, В.В. Курдюмова, Т.Ф., Шолохов в школе [Текст]: книга для учителя / под ред. Гуры В.В., Курдюмовой Т.Ф., Литвинова В.М. и др. – М.: Просвещение, 1986. – 143 с.
11. Дворяшина, Н.А. Мир детства в творчестве М.А. Шолохова [Текст] / Н.А. Дворяшина. // Литература в школе. – 2007. – № 12. – С. 5-8.

12. Дворяшина, Н.А. Феномен детства в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: традиции и «свой голос» [Текст] / Н.А. Дворяшина // Литература в школе. – 2016. – № 3. – С. 13-17.
13. Дементьев, А.Г. Русская советская литература [Текст]: пособие для средней школы / под ред. А.Г. Дементьева, Е.И. Наумова, Л.А. Плоткина. – М.: 1960. – 213 с.
14. Душкина, О.Ю. Семья как хранилище нравственности. По роману М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / О.Ю. Душкина // Литература в школе. – 2001. – № 3. – С. 32-35.
15. Ершов, Л.Ф. Бессмертие «Тихого Дона». Национальное и народное в эпосе Шолохова [Текст] / Л.Ф. Ершов. – М.: Наука, 1975. – 171 с.
16. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие [Текст] / А.Б. Есин. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
17. Желтова, Н.Ю. Стихия народной песни в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Н.Ю. Желтова // Литература в школе. – 2004. – № 9. – С. 22-24.
18. Жирицкая Е.А. Лёгкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917-30-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. – М.: НЛО, 2003. – С. 169-269.
19. Журавлева, А.А., Ковалева, А.И. Михаил Шолохов [Текст] / А.А. Журавлева, А.И. Ковалева. – М.: Просвещение, 1975. – 308 с.
20. Калашникова, Н.А. Изучение шолоховских образов казачек в педагогическом колледже [Текст] / Н.А. Калашникова // Шолоховские чтения: – Ростов н/Д: РГУ, 1997. – С. 73-87.
21. Калинин, А.Г. Время «Тихого Дона» [Текст] / А.Г. Калинин. – М.: Современник, 1979. – 188 с.
22. Козлова, М.А. Традиции Л.Н. Толстого в создании М.А. Шолоховым женских характеров // Великий художник современности. Материалы науч. конф.к 75-летию М.А. Шолохова [Текст] / М.А. Козлова. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 157-161.

23. Коровина, В.Я. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 классы (Базовый уровень) 10-11 классы (Профильный уровень) [Электронный ресурс] / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, И. С. Збарский, В. П. Полухина. – М.: Просвещение, 2007. – Режим доступа: http://rus.youngreaders.ru/doc/programma_po_literature.pdf
24. Корсакова, Л.Е., Степанов, В.А. Семья в художественном мире М.А. Шолохова. Шолоховские чтения: Сборник научных трудов [Текст] / под ред. Л.Е. Корсаковой, В.А. Степанова. – М.: Просвещение, 2002. – С. 32-39.
25. Корягин, С.В. Генеалогия и семейная история Донского казачества [Текст] / С.В. Корягин. – М.: Русаки, 2004. – 256 с
26. Кузнецов, Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа [Текст] / Ф.Ф. Кузнецов. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 864 с.
27. Литвинов, В.М. Михаил Шолохов [Текст] / В.М. Литвинов. – М.: Художественная литература, 1980. – 351 с.
28. Минералов, Ю.И. История русской литературы 20 века [Текст]: учебное пособие / под ред. Ю.И. Минералова, И.Г. Минераловой. – М.: 2011. С. 378 с.
29. Муравьёва Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика. – Борисоглебск: БГПИ, 2007. – 381 с.
30. Нянковский, М.А. Шолохов в школе [Текст]: книга для учителя / автр.-сост. М.А. Нянковский. – М.: Дрофа, 2001. – 320 с.
31. Огнев, А.В. Михаил Шолохов и наше время [Текст] / А.В. Огнев. – Тверь, 1996. – 246 с.
32. Панков, В.А. Годы и книги. Школа мастерства // На стержне жизни. [Текст] / В.А. Панков – М.: Советский писатель, 1962. – С. 13-59.
33. Петелин, В.А. Гуманизм Шолохова [Текст] / В.А. Петелин. – М.: Советский писатель, 1962. – 400 с.

34. Проскурина, Т.Д. Семья в произведениях русских писателей [Текст]: учебное пособие / Т.Д. Проскурина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 236 с.
35. Рез, З.Я. Методика преподавания литературы [Текст]: учебное пособие для студентов пед. институтов / З.Я. Рез. – М.: Просвещение, 1977. – 384 с.
36. Семанов, С.Н. «Тихий Дон» – литература и история [Текст] / С.Н. Семанов. – М.: Современник, 1977. – 245 с.
37. Семанов, С.Н. В мире «Тихого Дона» [Текст] / С.Н. Семанов. – М.: Современник, 1987. – 253 с.
38. Семенова, С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию [Текст] / С.Г. Семенова. – М. ИМЛИ РАН, 2005. – 352 с.
39. Строев А. Чем пахнет чужая земля // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. – М.: НЛО, 2003. – С. 75-100.
40. Творчество М.А. Шолохова в школьном изучении [Текст]: книга для учителя / под ред. Ю.А. Дворяшина. – Сургут: РИО СурГПИ, 2003. – 142 с.
41. Федь Н. М. Парадокс гения. Жизнь и сочинения Шолохова. – М.: Современный писатель, 1998. – 428 с.
42. Харченко В. К. И. А. Бунин и С.Н. Сергеев-Ценский: ольфакторная составляющая художественной сенсорики // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX-XX веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 205-209.
43. Хватов, А.И. Художественный мир Шолохова [Текст] / А.И. Хватов. – М.: Советская Россия, 1970. – 463 с.
44. Цыценко, И.И. Этнотрадиция и семья в романе-эпопее «Тихий Дон» // Проблемы изучения творчества М.А. Шолохова [Текст]: Шолоховские чтения / И.И. Цыценко. – Ростов н/Д: РГУ, 1997. – С. 86

45. Чалмаев, В.А. На гребне века. «Тихий Дон» Михаила Шолохова – эпическое самопознание истории народа, личности // Русская литература XX века [Текст]: учебное пособие: в 2 т. – Т. 2 / отв. ред. Ф.Ф. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1991. – Т. 2. – 191 с.
46. Шамбаров, В.Е. Казачество: История вольной Руси [Текст] / В. Е. Шамбаров. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2007. – 688 с.
47. Ширина Е.А. Чувство родины в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Патриотизм как концепт формирования человека и мира. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 129-134.
48. Ширина, Е.А. Образ природы в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Е.А. Ширина – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 154 с.
49. Ширина, Е.А. Образ природы как ключ к осмыслению войны и мира в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Е.А. Ширина // Литература в школе. – 2017. – №2. – С. 11-17.
50. Ширина, Е.А. Пантелей Прокофьевич Мелехов в зеркале природы [Текст] // Шолоховские чтения. Сборник научных трудов. – Вып. 2. – М.: 2002. – С. 157-166.
51. Шолоховская энциклопедия [Текст] / гл. ред. Ю.А. Дворяшин. – М.: Издательский дом «Синергия», 2013.
52. Шолохов, М.А. Собрание сочинений: в 8 т. / М.А. Шолохов. – М.: Худож. лит., 1985-1986.
53. Юшкова, И.С. Перечитывая «Тихий Дон» [Текст] / И.С. Юшкова// Литература в школе. – 2000. – № 7. – С. 10-12.
54. Якименко, Л.Г. Михаил Шолохов. Литературный портрет [Текст] / Л.Г. Якименко. – М.: Советская Россия, 1967. – 660 с.